

ПСИХОЛИНГВИСТИКА ЗА РУБЕЖОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ПСИХОЛИНГВИСТИКА ЗА РУБЕЖОМ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1972

В сборнике собраны переводы важнейших работ по психолингвистике и социальной речи, опубликованные за рубежом в последние годы. В сборнике печатаются статьи, отражающие различные направления психолингвистических исследований в разных странах.

Ответственные редакторы

А. А. ЛЕОНТЬЕВ и Л. В. САХАРНЫЙ

А. А. ЛЕОНТЬЕВ

СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛИНГВИСТИКА ЗА РУБЕЖОМ

Термин «психоллингвистика» сам по себе двусмыслен. Хотя он был впервые употреблен Н. Пронко в достаточно общем смысле — как обозначение любой пограничной лингвопсихологической области исследования, но получил распространение лишь применительно к довольно узкому направлению, возглавляемому Ч. Осгудом и нашедшему особенно яркое выражение в известной книге 1954 г. Если мы удержим это значение для термина «психоллингвистика», то едва ли правомерно употреблять его, скажем, для обозначения направления американской науки, возглавляемого сейчас Хомским и Миллером. Тем менее он пригоден для других зарубежных школ и направлений, пользующихся, однако, им весьма свободно (например, для группы П. Фресса во Франции или группы Т. Слама-Казаку в Румынии). И уж совсем не годится термин «психоллингвистика» при таком подходе для советских работ по пограничным проблемам психологии и языкознания, опирающихся нередко на методологические и конкретно-научные предпосылки, едва ли не диаметрально противоположные осгудовскому направлению (ср. Леонтьев, 1969).

С другой стороны, термин «психоллингвистика» во многом соблазнителен. Модель, по которой он образован, смело можно назвать продуктивной для метаязыка современной науки. Это вполне понятно ввиду резкого тяготения не только гуманитарных, но и точных, и естественных дисциплин к заполнению «белых пятен», образовавшихся на стыках этих дисциплин, и к созданию, если не новых наук (хотя бывают и такие случаи), то принципиально новых направлений исследования, характеризующихся общей чертой — комплексностью. Аст-

робиология и гистохимия, этнопсихология и медицинская антропология не вызывают сейчас удивления у широкой публики, не говоря уже о специалистах. Психоллингвистика естественно становится в этот ряд. Это очень удобный «ярлык» для очень разных теорий и конкретных экспериментальных исследований, такое общее знамя, под которое сочли возможным стянуть свои весьма разнокалиберные полки ученые, по своим научным убеждениям достаточно далекие друг от друга. Поэтому за термином «психоллингвистика» удобно сохранить его традиционно сложившееся расширенное значение.

Как мы уже отметили выше, термин «психоллингвистика» впервые употребил американский психолог Н. Пронко в статье, опубликованной в 1946 г. под названием «Язык и психоллингвистика» (Pronko, 1946). Однако лишь в 1953 г., когда в г. Блумингтоне (штат Индиана) состоялся Межуниверситетский исследовательский семинар, организованный известными американскими психологами Дж. Кэрролом и Ч. Осгудом, а также известным лингвистом и этнографом Т. Сибееком, это слово получило точное содержание и стало обозначать не добрые намерения отдельных авторов объединить под общим флагом языковедение и психологию, а сложившуюся научную теорию, которую в Америке часто считают отдельной наукой.

Среди ученых, собравшихся в Блумингтоне, были специалисты очень разного профиля. Одни из них уже составили себе к тому времени научное имя и участвовали в семинаре на правах людей, логикой своего исследования ближе всего подошедших к необходимости слияния лингвистики и психологии для решения пограничных задач. Из них, конечно, на первом месте надо назвать Кэрролла и Осгуда. Кэрролл, в частности, издал в 1953 г. книгу «Изучение языка», получившую широкую известность, где анализировались отношения между лингвистикой и смежными науками, включая психологию (Carroll, 1953), Осгуд был широко известен как специалист в области экспериментальной психологии, в частности символических процессов, и недавно приступил к исследованию семантики (Osgood, 1952; Osgood, 1953). Т. Сибеек пришел в психоллингвистику из фольклористики, где он уже ранее пытался применять «психоллингвистические» методы. Дж. Дженкинс являлся к моменту семинара едва ли не крупнейшим в США авторитетом

в области словесных ассоциаций. Флloyd Лаунсбери — один из создателей «антропологической» (мы бы сказали — этнографической) лингвистики, специалист по языкам и культуре индейцев. Джозеф Гринберг занимался в основном исторической лингвистикой, в частности проблемами генеалогической классификации языков.

Другие участники семинара были тогда совсем молодыми, и в сущности вся их научная биография сложилась под знаком лета 1953 г. Некоторые из представителей этого «второго поколения» психолингвистов в настоящее время широко известны, как, например, Сол Сапорта, в прошлом исследователь испанского языка, ныне — крупный специалист по вербальным ассоциациям; Сьюзен Эрвин (сейчас Эрвин-Трипп), занимающаяся детской психологией и в частности детской речью. Кроме перечисленных выше, в работе семинара в разное время и в разных формах принимали участие лингвисты Л. Ньюмарк, Э. Леннеберг, Дж. Касагранде, Э. Уленбек, Дж. Лотц, У. Леопольд, психологи Д. Уокер, К. Вильсон, Г. Фэрбенкс.

Идея семинара была предложена Кэрроллом. Первой наметкой его был небольшой семинар по психолингвистике в Корнеллском университете летом 1951 г., созданный Советом по исследованиям в области социальных наук. Трое из шести его участников — Сибек, Осгуд и Кэрролл — продолжали разработку психолингвистики и дальше. В октябре 1952 г. под эгидой того же Совета был создан специальный «Комитет по лингвистике и психологии» во главе с Осгудом. Именно этот комитет непосредственно организовал второй семинар в 1953 г.

Семинар продолжался два месяца. В результате этой двухмесячной беседы удалось прийти к некоторому соглашению относительно теоретических основ психолингвистических исследований и путей дальнейшей разработки соответствующих проблем. Эта единая платформа была закреплена в форме книги под названием «Психолингвистика. Очерк теории и исследовательских проблем» (*Psycholinguistics*, 1954), написанный участниками семинара в том жанре, который называется у нас «коллективной монографией».

Книга имела громадный успех и оказалась мощным толчком для интердисциплинарных лингво-психологических исследований.

Мы позволим себе не останавливаться на структуре и содержании этой книги, так как это уже сделано в других местах (Ахманова, 1957; Леонтьев, 1967; Titone, 1964). Ограничимся указанием на то, что в основе американской психолингвистики лежат три источника: а) дескриптивная лингвистика; б) бихевиористская психология в той ее форме, как она выступает в работах Ч. Осгуда; в) математическая теория коммуникации. Уже из сказанного ясно, что при иных, так сказать, «составляющих» психолингвистика приобрела бы — и действительно приобретает сейчас за пределами направления, намеченного семинаром 1953 г., и в особенности вне США — совершенно иное «лицо». Таким образом, возможна в сущности не одна, а множество психолингвистик, отвечающих различным пониманиям языка, психики и структуры процесса коммуникации.

Далее, после 1954 г., психолингвистика развивалась весьма неровно и — можно сказать — пережила значительные потрясения. Правда, модель, предложенная в трудах семинара, продолжала развиваться. Однако крайне характерно, что разрабатывались лишь отдельные ее аспекты, но не концепция в целом. За десять лет, если не считать хрестоматии Сола Сапорты, где собраны и работы, имеющие к психолингвистике весьма косвенное отношение (*Psycholinguistics*, 1961), и проникнутой внутренней полемикой главы, написанной Осгудом (*Osgood*, 1963), в многотомной «Психологии» Зигмунда Коха, из-под пера психолингвистов не вышло ни одного обобщающего труда монографического типа. Да и что касается работ конкретных, экспериментальных, нельзя сказать, чтобы они — как бы ни утверждали их авторы обратное — развивали именно идеи сборника 1954 г. Так, основы концепции значения, отразившейся в массивной монографии Осгуда и его сотрудников «Измерение значения» (*Osgood*, 1957) были заложены Осгудом задолго до 1954 г. Наоборот: самые заметные издания междисциплинарного лингвопсихологического содержания, вышедшие из печати до начала 60-х годов, создавались вне идей психолингвистики и часто в полемике с ними. Такова, например, книга Б. Скиннера «Речевое поведение» (*Skipner*, 1957). Этим мы отнюдь не хотим сказать, что в рамках «традиционной» психолингвистики не было создано серьезных исследований; кстати, прекрасный обзор этих исследований дал Э. Дайболд в

приложении ко второму изданию сборника «Психолингвистика», вышедшему в 1965 г. (Diebold, 1965). Но едва ли можно назвать какое-либо из них, невозможное без сборника «Психолингвистика».

Однако главная угроза психолингвистике в ее «традиционном» облике исходила не от Скиннера, несостоятельность теоретических взглядов которого на речь оказалась очевидной для большинства его коллег и отразилась в серии рецензий и других отзывов, как правило, весьма критического содержания (Tikhomirov, 1959; Osgood, 1958; Morris, 1958). Она исходила от группы молодых психологов и лингвистов, вдохновителем которых явился, с одной стороны, Джордж Миллер, прославившийся своей книгой «Язык и коммуникация» (Miller, 1951), с другой — Ноэм Хомский, дебютировавший в 1955 г. диссертацией о трансформационном анализе, а в 1957 г. выпустивший в гаагском издательстве Mouton свою первую большую книгу «Синтаксические структуры» (Chomsky, 1957). Чем дальше, тем все больше эти психологи и лингвисты стремились к пересмотру осгудовской концепции языка.

В нашем сборнике школа Миллера-Хомского представлена статьей Дж. Миллера¹.

В результате создалось два параллельных, причем враждующих психолингвистических направления. Новое опиралось уже не на дескриптивизм в его классической форме, а на трансформационную лингвистику; не на бихевиоризм осгудовского толка, в сущности представляющий человека как пассивный накопитель внешней информации, а на более современные течения в психологии, делающие упор на тезисы о целостности речевой (и вообще психической) организации человека и об активности организма по отношению к окружающей среде. Отношения между этими направлениями сложились достаточно напряженные, как это, увы, чаще всего бывает при появлении принципиально новых точек зрения, снимающих (в философском смысле) первоначальные концепции. В частности, своеобразной формой защиты от «трансформационизма» явились две большие

¹ Мы решили ограничиться этой статьей, так как на русском языке уже имеются как переводы ряда существенных публикаций этого направления (Миллер, 1968; Хомский и Миллер, 1967), так и детальные обзоры исследований по отдельным вопросам (Леонтьев, 1969).

статьи Осгуда — уже упоминавшаяся глава в многотомном руководстве Коха и особенно президентская речь на годовом заседании американской психологической ассоциации под названием «О понимании и порождении предложений» (Osgood, 1963, 1963^a).

Было бы, однако, большим преувеличением считать, что «трансформационизм» противостоит «осгудовской» психолингвистике как нечто законченное и цельное. Это совсем не так. Во-первых, в среде самих «трансформационистов» есть серьезные расхождения в понимании модели речевой организации человека; в частности, направление, представленное П. Уосоном, отнюдь не во всем сходно с направлением, образованным непосредственными учениками Миллера («Гарвардской школой»). Во-вторых, и это самое главное, «трансформационисты» — в отличие от Осгуда и его коллег — уверенно оперируют лишь с отдельными уровнями порождающей модели, но пока не могут составить себе четкого представления об этой модели в целом ². Наконец, вся работа по экспериментальной проверке трансформационной модели идет не в плане доказательства психологической реальности только этой модели (с исключением других возможных моделей), а лишь в плане подтверждения того, что и она психологически реальна ³.

Нельзя не заметить и того, что стали появляться работы, указывающие на ограниченность трансформационной модели речевого механизма. Одним словом, «трансформационизм» не только не является последним и окончательным словом в современной психолингвистике, но пока вообще не может быть охарактеризован иначе, как удачная гипотеза о структуре порождающего механизма, еще не получившая силу теории. Впрочем, доказательство подобных гипотез связано с такими трудностями, что мы едва ли когда-либо сможем оперировать с той или иной психолингвистической теорией в строгом смысле.

Вот что называется сейчас в США «психолингвистикой», причем чаще всего этот термин применяется к

² Как замечает М. Глэнцер, «попытки перенести лингвистическую трансформационную модель в психологическую теорию имели лишь частичный успех» (Glanzer, 1968).

³ Выступая с заключительным словом по своему докладу на XVIII Международном психологическом конгрессе, один из видных «трансформационистов» Д. Слобин признал это.

«осгудовскому» направлению. Однако, как уже указывалось выше, возможно столько психолингвистик, сколько различных компонентов мы сможем положить в их основу. Одна из действительно существующих реализаций этого потенциального множества — это тот вариант психолингвистики, который возник во Франции и отразился в специальном сборнике «Проблемы психолингвистики» (Problèmes, 1963). Этот вариант возник на базе социологической школы французской психологии, и совершенно не случайно, что в числе основателей французской психолингвистики (которая, впрочем, не выработала пока единой модели речевого поведения) были Поль Фресс и Жан Пиаже — виднейшие представители социологической школы.

Вероятно, с Франции и целесообразно начинать обзор неамериканских психолингвистических школ и направлений за рубежом. В ней сейчас заметно соперничество двух тенденций. Одна — традиционная, представленная в первую очередь П. Фрессом и его учениками, а также Ф. Брессоном и некоторыми другими авторами. Другая — трансформационистская. Во главе этого второго направления стоит Жак Мелер, один из ближайших учеников и самых верных последователей Джорджа Миллера. В конце 1969 г. он издал сборник переводов на французский язык важнейших американских исследований по «трансформационалистской» психолингвистике (Psycholinguistique, 1969), предпослав ему очень характерное предисловие, в котором «миллеровская» точка зрения представляется как последнее и окончательное достижение мировой науки, а все прочие направления исследования речи игнорируются (см. также Peterfalvi, 1970).

Совершенно особую, пограничную с социальной психологией область французской психолингвистики составляет так называемая «психосоциология языка», возглавляемая Сержем Московичем. В этой области французская психологическая традиция особенно ясно сказалась. Мы выбрали для публикации в нашем сборнике посвященный этой проблематике доклад Московича и Фоше на XVIII Международном конгрессе психологов в Москве, являющийся неплохим введением в проблематику «психосоциологии языка», совершенно неизвестную в нашей стране.

Важно подчеркнуть, что во Франции в отличие, ска-

жем, от Англии психолингвистика интенсивно развивается как прикладная, а не абстрактно-теоретическая отрасль. Это ясно видно по имеющимся публикациям. Среди них есть прямые попытки изложить психолингвистическую проблематику применительно к конкретным задачам обучения языку.

Англия. Английские психолингвисты в целом в значительно большей степени, чем исследователи других стран, испытывают влияние американской науки. Это особенно ясно видно на примере известного сборника, выпущенного Эдинбургской психолингвистической группой (*Psycholinguistics*, 1966). Он представляет собою публикацию материалов конференции. Уже из одного только знакомства с содержанием видно, что в этой английской (не международной!) конференции американцы преобладали даже и в количественном отношении (три доклада из пяти)⁴. Более того, доклады американцев были гораздо более цельны и последовательны, чем доклады их английских коллег. Это вполне понятно. Если американцы последовательно отстаивали определенную теоретическую позицию (хотя и ставят вопрос о ее дальнейшем развитии), то англичане, с одной стороны, безоговорочно опираются на ту же позицию, с другой, стремятся сгладить очевидные ее недостатки и привести ее в соответствие с традиционным психологическим пониманием высших психических функций, в частности в английской психологической школе Бартлета. Отсюда, например, попытка Уэлса и Маршалла (*Wales*, 1966) построить по крайней мере три самостоятельные теории или субтеории, описывающие процесс речи: субтеорию, описывающую *linguistic competence* (эта последняя с самого начала постулируется как первичная, противопоставленная *linguistic performance*), субтеорию, описывающую общие характеристики систем, способных обеспечить реализацию *performance*, и субтеорию, ведающую конкретными психофизиологическими механизмами реализации. Эти и другие соображения авторов при всей их эрудиции и остроумии сильно напоминают Птолемею теорию эпициклов; вместо того, что-

⁴ Интересно, что на XIX Международном психологическом конгрессе представительство отдельных стран (мы имеем в виду психолингвистический симпозиум) было более ровным (Великобритания — четыре человека, США — два человека, СССР — два человека, Израиль — один человек).

бы пересмотреть теоретические основы «трансформационализма», авторы, как, впрочем, и другие докладчики, бьются в заколдованном круге миллеровской психолингвистической концепции.

Такая линия на теоретическое самоограничение вызвала во время обсуждения докладов ряд критических замечаний. Так, Н. Сазерленд прямо заявил (Sutherland, 1966), что «задача психолингвистики не сводится к подтверждению взглядов Хомского на linguistic competence соответствующими экспериментами», как это чаще всего было в 1963—1965 гг.

Правда, судя по этому сборнику и другим публикациям, в Великобритании осуществляется много экспериментов, отклоняющихся по направлению от основной линии американского трансформационализма⁵. Несколько иной, чем в Эдинбурге, вариант трансформационалистской психолингвистики представлен работами П. Уосоны и его коллег из Лондона. Оригинальность этого направления обеспечивается уже его проблематикой — исследованием роли верификации в понимании и порождении высказываний. В последнее время появились публикации Уосоны и по более острым теоретическим вопросам психолингвистики, показывающие, что он находится на пути к принципиальному пересмотру самих ее основ.

Совершенно своеобразное и почти независимое от американской психолингвистики направление образуют кембриджские ученые, в частности Дж. Мортон. Во всяком случае, предложенная этим последним модель восприятия речи (Morton, 1968; Morton, 1969) очень своеобразна и представляется нам перспективной. Наконец, особое место занимают работы Ф. Голдман — Эйслер (см. особенно Goldman-Eisler, 1968), примыкающей к «осгудовскому» направлению.

В последнее время психолингвистика в Англии заметно идет навстречу социальной психологии речи.

Италия. В этой стране психолингвистическая проблематика представлена изолированными исследованиями и группами исследований, представляющими в то же время серьезный теоретический и прикладной

⁵ Мы публикуем в нашем сборнике одну из обзорных работ Дж. Маршалла, где эта специфика английской психолингвистики в некоторой степени отразилась.

интерес. Здесь следует назвать несколько фамилий. На первом месте мы упомянем Ренцо Титоне, профессора Салезианского университета в Риме и издателя журнала «*Noto Iouquens*». Основная публикация его по психолингвистике относится к 1964 г. (Titone, 1964). Хотя она появилась после опубликования основной массы работ по «трансформационной» психолингвистике, она целиком посвящена психолингвистике в осгудовском ее понимании. Что же касается трансформационализма, то ему отведено буквально несколько страниц весьма критического характера. Такая позиция понятна, если учесть, что Титоне рассматривает психолингвистику как дальнейшее развитие совершенно определенной философской и собственно лингвистической традиции, восходящей к взглядам Б. Кроче и Фосслера. К тому же сам Титоне — специалист в области обучения иностранным языкам, а общеизвестно, что вклад в эту проблематику, сделанный трансформационалистской психолингвистикой, весьма незначителен.

Далее следует упомянуть имя Флорес д'Аркаи, проходившего стажировку в Гарварде. Уже те работы, которые были выполнены им в США, показывают, что он имеет свою, отнюдь не традиционную линию в современной психолингвистике: речь идет о корреляциях между зрительным восприятием и выбором синтаксического типа предложения для описания этого восприятия. Он установил, в частности, что большие по размеру объекты и объекты, находящиеся в левой части картинки (при воображаемом движении их слева направо) имеют тенденцию делаться субъектами предложения. Совсем недавно под редакцией Флорес д'Аркаи и Левелта (см. ниже) вышел важный сборник (*Advances*, 1970), отражающий общую ориентацию европейских психолингвистов на пересмотр теоретических догм миллеровского трансформационализма.

Ф Р Г. Здесь основная монографическая работа, претендующая на полное освещение психолингвистической проблематики,— это книга Г. Германа под традиционным названием «Психология языка» (Hörmann, 1966), но посвященная почти исключительно психолингвистике. В книге описаны сотни экспериментальных психолингвистических и психологических исследований. Что касается ее теоретических установок, то точно так же, как Титоне стремится связать психолингвистику с итальян-

ской научной традицией, Германи всячески старается сблизить ее с немецкой (Кант, Гумбольдт, Бюлер, Витгенштейн) и, что особенно интересно, специально ставит вопрос (глава 8) о «философских основах современной психолингвистики». Неоднократно в тексте книги Германи, так сказать, перекидывает мост от немецких к американским работам, стремясь показать схожесть конечных выводов при различных теоретических предпосылках. Самостоятельного научного значения книга Германи, по-видимому, почти не имеет, но как пропаганда психолингвистики в странах немецкого языка она заслуживает самого живого внимания и одобрения.

Румыния. Как известно, здесь работает Т. Слама-Казаку, одна из наиболее крупных специалистов в области психолингвистики. Сравнительно недавно она опубликовала (к сожалению, только на румынском языке) монументальный обобщающий труд «Введение в психолингвистику» (Slama-Cazacu, 1968). В этой книге наряду с теоретико-методологическими проблемами и прежде всего проблемой объекта и методов психолингвистики детально рассматриваются конкретные приложения психолингвистики к вопросам развития детской речи, обучения языку, диалектологии, стилистики, к проблемам изучения труда и т. д. Книга, бесспорно, заслуживает серьезного специального рассмотрения. Т. Слама-Казаку является одним из крупнейших в Европе психолингвистов и, что тоже важно, — виднейшим организатором психолингвистики. Мы печатаем в нашем сборнике одну из статей Слама-Казаку, особенно важную в методологическом отношении.

Польша. Здесь к психолингвистическим можно отнести работы И. Курч, особенно по вербальным ассоциациям (Kurcz, 1966), а также В. Шевчука (Szewczuk, 1960).

Чехословакия. Здесь виднейшим психолингвистом является Ян Пруха (Průcha, 1966; Průcha, 1970 и др.). Ср. также работы К. Палы (особенно Pala, 1966). Наконец, на грани психолингвистики и социальной психологии общения стоит Я. Яноушек — питомец МГУ, автор интересной книги «Социальная коммуникация» (Janoušek, 1967). Мы публикуем самую существенную из его статей.

Голландия. Здесь — после стажировки в США — работает В. Левелт, которому принадлежит несколько

очень значительных исследований (Levelt, 1966; Levelt, 1969).

Норвегия. В Норвегии живет Р. Румметвейт, один из интереснейших ученых-психолингвистов наших дней. Ему принадлежит замечательная книга (Rommetveit, 1968) резко антитрансформационалистского направления. В сборнике она представлена выборочно (краткими «резюме» к отдельным параграфам).

Канада. Имя В. Ламберта широко известно. Будучи тесно связан с американской психолингвистикой, он тем не менее занимает оригинальную позицию по ряду важнейших вопросов. Из наиболее интересных его работ последних лет упомянем (Lambert, 1968 и др.).

Отдельные ученые, являющиеся или называющие себя психолингвистами, есть и в других странах мира. Чаще всего это молодежь, получившая профессиональную подготовку соответственно в СССР или в США.

Если попытаться обобщить те основные тенденции, которые характеризуют современную психолингвистику (вернее, ее основные зарубежные направления), можно указать на следующее.

Во-первых, бросается в глаза тот факт, что психолингвистические исследования, как и вообще исследования речевой деятельности, все больше развиваются в направлении учета содержания и социальных функций речевого высказывания (ср. «психосоциологию языка», работы школы Ламберта и др.). Эта тенденция по-разному реализуется в разных школах и направлениях, но она, так сказать, «пробивается» всюду независимо от той или иной теоретической платформы. Даже внутри трансформационизма эта тенденция усиленно проявляется в последние годы, причем и в работах тех ученых, которые выступали первоначально с «ортодоксальных» позиций.

Во-вторых, психолингвистика явно тяготеет к последовательной «психологизации». Это особенно заметно в американском ее направлении. Ведущая в нем в настоящее время группа психолингвистических исследований, связанная с трансформационизмом, по существу не связана с психологической традицией. Между тем не подлежит никакому сомнению, что ни одна психолингвистическая модель не может существовать как эвристически значимая, если она не входит органически в ту или иную общепсихологическую концепцию. Отсутствие

такой общепсихологической базы у американского трансформационизма приводит, между прочим, к парадоксальному положению, когда теория берется в какой-то мере «напрокат» из... советской психологии речи. Мы имеем в виду прежде всего ту громадную популярность, которую получила в американской и вообще зарубежной науке книга Л. С. Выготского «Мышление и речь» (она вышла в английском, французском, немецком, итальянском, чешском переводах; важнейшая глава из нее дважды перепечатана в американских психологических антологиях). Дайболд, например, прямо пишет, что эта книга «должна быть всячески рекомендована», ибо она «содержит множество идей..., которые нам преподносят ныне как новые» (Diebold, 1965, 265, 264). Галантер, Миллер и Прибрам указывают в предисловии к русскому изданию своей книги, что «основные линии исследования, намеченные в ней, сближаются с теми, к которым сейчас проявляется интерес советских психологов» (Миллер и др., 1965, стр. 11). И это — отнюдь не уникальные примеры.

В-третьих, психолингвистика, до последнего времени представлявшая собой известный конгломерат отдельных экспериментальных исследований, теоретически осмысленных лишь фрагментарно, заметно тяготеет к внутреннему единству и целостности. Так, пересмотр первой трансформационной модели Хомского и выдвижение второй имели одной из важнейших причин выработку такой модели, которая не только была бы более приемлема психолингвистически, но и хорошо «стыковалась» бы с другими психолингвистическими моделями; в частности, известно, что модель Миллера — Хомского при ее пересмотре «поглотила» семантическую теорию Каца—Фодора. В последние годы участились работы, в которых трансформационная модель рассматривается как часть, хотя и основная, более сложного социопсихолингвистического механизма, охватывающего все аспекты порождения (Долежал и др., 1968).

Наконец, в-четвертых, психолингвистика все больше стремится к переходу от абстрактных рассуждений и «висящих в воздухе» моделей к их конкретному психофизиологическому обоснованию. Другое дело, что такое обоснование не всегда оказывается успешным.

Констатируя эти четыре тенденции, необходимо заметить, что если для зарубежных и прежде всего аме-

риканских исследований речевой деятельности они обозначают достаточно отдаленную цель теоретической разработки, то для аналогичных исследований в советской науке это своего рода методологический минимум, объединяющий всех, кто занимается в том или ином плане психолингвистическими исследованиями речи (имеются в виду работы, выполненные как развитие существующих психологических установок, а не отдельные исследования, опирающиеся исключительно на традицию американской психолингвистики). Пожалуй, лишь третья из указанных тенденций не полностью реализована в советской науке; однако в лучших из существующих публикаций на эту тему (назовем здесь работы Л. С. Выготского, А. Р. Лурия, Н. И. Жинкина) дается всестороннее связное описание речевых процессов, охватывающее и фонетическое, и семантическое, и синтаксическое звено порождения.

В СССР психолингвистика начала развиваться в начале 60-х годов. Впрочем, первая публикация, где в заголовке стоит этот термин, появилась еще в 1957 г., но она носила в основном реферативный характер (Ахманова, 1957). В издания Академии наук психолингвистика нашла путь в 1961 г. Дальше происходит постепенное увеличение ее влияния и расширение круга людей, занимающихся ею. К началу III Всесоюзного симпозиума по психолингвистике (июнь 1970) психолингвистикой занимались группы и отдельные исследователи в следующих городах: Москве, Ленинграде, Фрунзе, Алма-Ата, Баку, Тбилиси, Ереване, Нальчике, Воронеже, Орле, Киеве, Харькове, Запорожье, Днепропетровске, Одессе, Минске, Калининграде, Вильнюсе, Таллине, Калининне, Иванове, Владимире, Казани, Перми, Оренбурге. На III симпозиуме (I состоялся в 1966, II — в 1968) было прочитано около 100 докладов и сообщений (тезисы этих симпозиумов см: Семинар, 1966; Материалы, 1968; Материалы, 1970). В мае-июне 1972 г. состоялся IV симпозиум (Материалы, 1972).

В 1966 г. была создана проблемная группа психолингвистики в Научно-методическом центре русского языка при МГУ, организовавшая к 1972 г. три конференции (Психология, 1967; Психология, 1969; Психология, 1971) и выпустившая 6 сборников (Вопросы, 1967; Психология, 1968; Психолингвистические, 1969; Актуальные, 1970; Вопросы, 1971; Психолингвистика, 1972). В 1967 г.

была создана в качестве проблемной, а с 1969 г. стала штатной Группой психолингвистики и теории коммуникации Института языкознания АН СССР. С 1969 г. существует Комиссия по психолингвистике при Центральном Совете Общества психологов СССР. Курсы психолингвистики читаются в МГУ, ЛГУ, БГУ (Минск), МГПИ им. В. И. Ленина, Киргизском университете, ХГУ, Ивановском пединституте и т. д. Советские психолингвисты участвуют в работе всесоюзных (III и IV съезды Общества психологов) и международных съездов и конгрессов (X международный съезд лингвистов, XVIII и XIX Международные психологические конгрессы, XVII Международный конгресс по прикладной психологии).

Большая часть работ, осуществляемых советскими психолингвистами, ведется в рамках определенной общеметодологической, а также психологической и лингвистической традиции. Мы уже не однажды подробно анализировали эти корни советской психолингвистики и отошлем читателя к своим книгам (Леонтьев, 1965, 1967, 1969). Достаточно сказать, что в основе психолингвистических исследований в СССР лежит философская концепция марксизма-ленинизма, психологически же они восходят к идеям Л. С. Выготского и его школы.

Обычно книги антологического характера — типа настоящего сборника — строятся ретроспективно. В них включаются работы, уже завоевавшие прочное место в науке, широко известные и широко используемые. Сознательно, что психолингвистика испытывает сейчас перелом, мы пошли по другому пути, постаравшись дать советскому читателю представление не столько о прошлом зарубежной психолингвистики, сколько о ее настоящем и даже будущем, отобрав для перевода те работы, в которых наиболее ясно отразились тенденции дальнейшего развития психолингвистики сегодняшнего дня.

Надеемся, что это нам удалось и публикуемая книга не только послужит для читателя ценным источником информации, но и стимулирует его творческую мысль, раскроет перед ним те потенциальные возможности и пути дальнейшей разработки проблем речи, которые пока еще не нашли отклика в советской психолингвистической науке.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ И ИСТОЧНИКИ

Актуальные, 1970 — Актуальные проблемы психологии речи и психологии обучения языку. Под ред. А. А. Леонтьева и Т. В. Рябовой. М., 1970.

Ахманова, 1957 — О. С. Ахманова. О психолингвистике. М., 1957.

Вопросы, 1967 — Вопросы порождения речи и обучения языку. Под ред. А. А. Леонтьева и Т. В. Рябовой. М., 1967.

Вопросы, 1971 — Вопросы психолингвистики и преподавание русского языка как иностранного. Под ред. А. А. Леонтьева и Т. В. Рябовой. М., 1971.

Долежел и др., 1968 — Л. Долежел, И. Краус, Я. Пруха. К некоторым проблемам моделей языковой коммуникации. «Русский язык за рубежом», 1968, № 1.

Леонтьев, 1965 — А. А. Леонтьев. Слово в речевой деятельности. М., 1965.

Леонтьев, 1967 — А. А. Леонтьев. Психолингвистика. Л., 1967.

Леонтьев, 1969 — А. А. Леонтьев. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969.

Материалы, 1968 — Материалы II симпозиума по психолингвистике. М., 1968.

Материалы, 1970 — Материалы III Всесоюзного симпозиума по психолингвистике. М., 1970.

Материалы, 1972 — Материалы IV Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 1972.

Миллер и др., 1965 — Дж. Миллер, Е. Галантер, К. Прибрам. Планы и структура поведения. М., 1965.

Миллер, 1968 — Дж. Миллер. Психолингвисты. «Теория речевой деятельности (проблемы психолингвистики)». М., 1968.

Психолингвистика, 1972 — Психолингвистика и обучение иностранцев русскому языку. Под ред. А. А. Леонтьева и Т. В. Рябовой. М., 1972.

Психолингвистические, 1969 — Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. Под ред. А. А. Леонтьева и Т. В. Рябовой. М., 1969.

Психология, 1968 — Психология грамматики. Под ред. А. А. Леонтьева и Т. В. Рябовой. М., 1968.

Психология, 1967 — Психология и методика обучения второму языку. М., 1967.

Психология, 1969 — Психология и методика обучения второму языку. М., 1969.

Психология, 1971 — Психология и методика обучения второму языку. М., 1971.

Семинар, 1966 — Семинар по психолингвистике. Тезисы докладов. М., 1966.

Хомский и Миллер, 1967 — *H. Хомский, Дж. Миллер*. Конечные модели использования языка. «Кибернетический сборник. Новая серия», вып. 4. М., 1967.

Advances, 1970 — *Advances in psycholinguistics*. Ed. by W. Lambert and G. Flores d'Arcais. Amsterdam, 1970.

Carroll, 1953 — *J. B. Carroll*. The study of language. Cambridge (Mass.), 1953.

Chomsky, 1957 — *N. Chomsky*. Syntactic structures. The Hague, 1957.

Diebold, 1966 — *A. R. Diebold*. A survey of psycholinguistic research, 1954—1964. «Psycholinguistics. A survey of theory and research problems», ed. 2. Bloomington, 1965.

Glanzer, 1968 — *M. Glanzer*. Psycholinguistics and verbal learning. «Research in Verbal Behavior». N. Y., 1968.

Goldman-Eisler, 1968 — *F. Goldman-Eisler*. Psycholinguistics. Experiments in Spontaneous Speech. L. — N. Y., 1968.

Hörmann, 1966 — *H. Hörmann*. Psychologie der Sprache. Berlin, 1966.
Janoušek, 1967 — *J. Janoušek*. Sociální komunikace. Praha, 1967.

Kurcz, 1966 — *I. Kurcz*. Inter-language comparison of word-association responses. «International Journal of Psychology», 1966, v. 1, № 2.

Lambert, 1968 — *W. Lambert*. Current Research on the Social Psychology of Language. «Experimental social psychology». Prague, 1968

Levelt, 1966 — *W. Levelt*. Generatieve Grammatica en psycholinguïstiek.— «Nederlands Tijdschrift for het Psychologie», 1966, v. 21.

Levelt, 1969 — *W. Levelt*. The perception of syntactic structures. «XIX International Congress of Psychology. Abstracts of submitted papers...» London, 1969.

Miller, 1951 — *G. A. Miller*. Language and communication. N. Y., 1951.

Morris, 1958 — *Ch. Morris*. Words without meanings. «Contemporary Psychology», 1958, v. 3, № 8.

Morton, 1968 — *J. Morton*. Consideration of Grammar and Computations in Language Behavior. «Studies in Language and Language Behavior. Progress Report VI», 1968.

Morton, 1970 — *J. Morton*. A functional model for memory. «Models of Human Memory». N. Y., 1970.

Osgood, 1952 — *Ch. Osgood*. The nature and measurement of meaning. «Psychological Bulletin», 1952, v. 49.

Osgood, 1953 — *Ch. Osgood*. Method and theory in experimental psychology. N. Y., 1953.

Osgood и др. 1957 — *Ch. Osgood, S. Suci, P. H. Tannenbaum*. The measurement of meaning. Urbana, 1957.

Osgood, 1958 — *Ch. Osgood*. A question of sufficiency. «Contemporary psychology», 1958, v. III, № 8.

Osgood, 1963 — *Ch. Osgood*. Psycholinguistics. «Psychology: a study of science» ed. by S. Koch, v. 6, N. Y., 1963.

Osgood, 1963a — *Ch. Osgood*. On understanding and creating sentences. «American Psychologist», 1963, v. 18, № 12.

Pala, 1966 — *K. Pala*. О некоторых проблемах актуального членения. «Prague Studies in Mathematical Linguistics», 1. Prague, 1966.

Peterfalvi, 1970 — *J. — M. Peterfalvi*. Introduction à la psycholinguistique. Paris, 1970.

Problèmes, 1963 — Problèmes de psycholinguistique. Paris, 1963

Pronko, 1946 — *N. H. Pronko*. Language and Psycholinguistics. «Psychological Bulletin», 1946, v. 43.

Průcha, 1966 — *J. Průcha*. Contextual constraints and the choice of semantic lexical units. «Prague Studies in Mathematical linguistics», 1. Prague, 1966.

Průcha, 1970 — *J. Průcha*. Problémy teorie psycholingvistiky. «Československá psychologie», 1970, v. 14, № 5.

Psycholinguistics, 1954 — Psycholinguistics. A survey of theory and research problems. Ed. by Ch. E. Osgood, Th. Sebeok. Baltimore, 1954.

Psycholinguistics, 1961 — Psycholinguistics. A book of readings. Ed. by S. Saporta. N. Y., 1961.

Psycholinguistics, 1966 — Psycholinguistics papers. Edinburgh, 1966.

Psycholinguistique, 1969 — Psycholinguistique et grammaire générative, publié sous la direction de J. Mehler. Paris, 1969 (Langages, 16).

Rommetveit, 1968 — *R. Rommetveit*. Words, meanings and messages. N. Y., 1968.

Skinner, 1957 — *B. F. Skinner*. Verbal Behavior. N. Y., 1957.

Slama-Cazacu, 1968 — *T. Slama-Cazacu*. Introducere în psiholingvistică. București, 1968.

Szewczuk, 1960 — *V. Szewczuk*. Badania eksperymentalnie nad rozumieniem zdań. Kraków, 1960.

Sutherland, 1966 — *N. Sutherland*, in: «Psycholinguistics Papers». Edinburgh, 1966.

Tikhomirov, 1959 — *O. K. Tikhomirov*. Review of: B. F. Skinner. Verbal behavior. «Word», 1959, v. 15, № 2.

Titone, 1964 — *R. Titone*. La psycholinguistica oggi. Zurich, 1964.

Wales, 1966 — *R. J. Wales* and *J. C. Marshall*. The organization of linguistic performance. «Psycholinguistics Papers», Edinburgh, 1966.

†. СЛАМА-КАЗАКУ

МЕТОДОЛОГИЯ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ И НЕКОТОРЫЕ ЕЕ ПРИМЕНЕНИЯ *

1. В XX в. все более определяется подход к речи как очень сложному феномену, изучением которого должны заниматься самые различные науки.

Последние годы характеризовались еще более интересными событиями. В различных областях науки все явственнее намечалась необходимость появления пограничных дисциплин, изучающих некоторый феномен с двух позиций, или, иначе говоря, со смежных точек зрения. Это не означает, что появляется некоторый новый объект, делающий необходимым появление новой науки, напротив, глубже выявляются некоторые неизвестные стороны уже существующего объекта благодаря комбинированию методов двух наук и благодаря различным способам интерпретации. Сходный процесс наблюдался и все еще наблюдается в области изучения речи или, точнее, в области изучения коммуникации (термин, который относится ко множеству аспектов (психические процессы, язык — или «код» — и его частные конкретизации — или «сообщения», — коммуникация как таковая и т. д.), которые образуют единый предмет в методологическом смысле со своими различными аспектами).

С тех пор как Ф. де Соссюр в своем курсе определил и разграничил категории *langue*, *language*, *parole*¹ стало ясно, что лингвистика изучает язык, а психология — речь. В указанных пределах разворачивается тра-

* T. Slama-Cazacu. La methodologie psycholinguistique et quelques-unes de ses applications. «Revue Roumaine de linguistique», 1965, t. X, № 1—3, стр. 309—316.

¹ F. de Saussure. Cours de linguistique générale. Paris, 1922, стр. 25.

диционная деятельность этих двух дисциплин, неоднократно заходившая в тупик из-за того, что считает адекватными результаты исследований только с позиции своей методологии.

Поскольку психология речи не обращается к фактам языка и не опирается на них, она рискует впасть в искусственные умозрительные построения, например, свести речь к мышлению, смешивая вербальные категории с концептуальными и т. д. С другой стороны, и традиционная, и структурная лингвистика понимали и изучали язык как некий абстрактный феномен, как «автономную сущность»², вне зависимости от индивидуальных или социальных условий. (Подход зачастую приемлемый в тех случаях, когда в явном виде подчеркивается необходимость обращения к социальному, историческому и т. д. контексту). Довольно распространен также анализ языка в его письменной форме (например, словари, основывающиеся исключительно на примерах, взятых из письменных текстов) и работа с «фрагментами» (традиционная экспериментальная фонетика изучает звуки и изолированные слова, грамматисты оперируют обычно с синтагмами или фразами, вырванными из контекста и т. д.; даже в структурной лингвистике в первую очередь рассматриваются парадигматические отношения, а не «неудобные» синтагматические последовательности, и почти совсем не рассматриваются более широкие контексты; предпочтение отдается «микрконтекстам»).

Наиболее часто проявляющаяся тенденция заключается в предохранении языка от таких «заражений», как частное, индивидуальное, конкретное, от отношений с контекстом вообще или только с коннотативным контекстом; от связей с психикой, вообще от того, что наиболее тесно связано с тем, кто продуцирует язык,— с человеком.

Показательно, что обычно исследователи также избегают уточнять (начиная с Ф. де Соссюра и кончая Л. Ельмслевым и другими лингвистами), кто должен изучать речевые феномены, часто называемые сегодня, по терминологии теории информации, сообщением или иногда речевым образцом. В свою очередь, большинство специалистов по кибернетике, математиков, инженеров,

² L. Hjelmslev. *Linguistique structurale* (1948). «Essais linguistiques». Copenhagen, 1959, стр. 21, 23.

работающих в области телекоммуникации, разрабатывают и даже пытаются навязать современной лингвистике собственную методологию, ориентирующуюся на дедуктивные конструкции, очищающие язык и устраняющие «значение» во имя «чистых» форм.

2. Каким образом согласовать данные разных наук и методологий, оперирующих зачастую противоречивыми результатами относительно одного и того же объекта?

Разумеется, не является выходом создание новой дисциплины, целиком заменяющей все другие. Тем не менее необходимо, чтобы каждая из этих наук (или направления в русле этих наук) не рассматривала свою собственную методологию как единственно верную и единственно пригодную для изучения коммуникации; необходимо, чтобы каждая дисциплина не считала себя в праве, как говорил Л. Ельмслев, «оспаривать право» изучать язык другим способом³. С другой стороны, остаются некоторые аспекты, которые — по крайней мере в настоящее время, — ни психология, ни лингвистика, ни смежные направления не могут изучать адекватным образом без риска войти в противоречие с суммарной методологией двух вышеуказанных дисциплин. Для исследования этих аспектов необходимо, следовательно, создать пограничную дисциплину (возможен и междисциплинарный подход) со специфической методологией: это и есть психолингвистика. С нашей точки зрения, определенная таким образом психолингвистика не должна рассматриваться как «направление» в лингвистике или в психологии, но скорее как дисциплина (или же междисциплинарная методология), которая оправдывает себя и в настоящей классификации наук, и в смысле методологии новых пограничных наук.

Термин «психолингвистика» начал употребляться с 1954 г. после опубликования в США труда под названием «Психолингвистика»⁴, означавшего появление нового направления в американской науке; за «Психолингвистикой» была опубликована в 1961 г. очень «разношерстная» антология, составленная из интересных, но выполненных не для этого издания и не снабженных

³ Там же, стр. 23.

⁴ Ch. Osgood, T. Sebeok (ed.). Psycholinguistics. A survey of theory and research problems. Baltimore, 1954; см. также: A. Ta-bouret-Keller: [рец.] «Word», 1964, 20, № 1, стр. 89.

методологическим введением исследований⁵. В 1962 г. «Ассоциация научной психологии французского языка организовала симпозиум, труды которого были изданы в 1963 г. в одном томе под заглавием «Проблемы психолингвистики»⁶.

Как подчеркивала О. С. Ахманова, изложившая в небольшой брошюре⁷ «Психолингвистику» 1954 г., лингвистика не должна больше опасаться в наше время контакта с психологией и появление новой дисциплины призвано сыграть важную роль (стр. 3—6). Но ни упомянутая американская школа, заслугой которой является введение в употребление термина «психолингвистика» и привлечение внимания к некоторым проблемам данной дисциплины, ни французский симпозиум не определили достаточно четко ее методологию.

Это обязывает нас попытаться дать собственное изложение методологии, возможно более точной и цельной. Методология, впервые излагаемая в этой работе, лежит в основе исследований, ведущихся в этом направлении в течение многих лет, причем некоторые из этих исследований предшествуют появлению американской школы и термина «психолингвистика».

Глубокое различие между пониманием термина «психолингвистика», которое мы предлагаем здесь, и тем, которое употребляется в американских работах, заключается в плане отношения между концепцией и методологией. Создатели американской психолингвистики заявили, что они основывают ее на бихевиористской психологии⁸, которая в большинстве своих вариантов исключает сознание из изучения психических феноменов и остается в своей основе механистической: во всех случаях, сложность человека «loguens» от нее ускользает. Но язык, будучи феноменом исключительно человеческим, управляется сознанием; он должен изу-

⁵ Sol. Saporta (ed.). Psycholinguistics. A book of readings. N. Y., 1961; J. Berko et R. Brown. Psycholinguistic research method. «Handbook of research methods in child development». N. Y.—London—Wiley, 1960, стр. 517.

⁶ J. de Ajuriaguerra, F. Bresson, P. Fraïsse, B. Inhelder, P. Oléron, J. Piaget. Problèmes de psycho-linguistique. Paris, 1963.

⁷ О. С. Ахманова. О психолингвистике. М., изд. МГУ, 1957.

⁸ S. Saporta. Указ. соч.; Y; Ch. Osgood et T. Sebeok (ed.). Указ. соч., стр. 7, 20.

чаться и объясняться через призму социального детерминизма — в отношении ко всей совокупности психической жизни — где мыслительная деятельность играет важную роль и является одновременно продуктом анатомо-физиологической активности. В соответствии с этой концепцией, рассматривая индивида во всей его совокупности и сложном детерминизме, изложим методологию, которая, как нам кажется, соответствует этой концепции. Мне хотелось бы подчеркнуть, что изучение лингвистических фактов в связи с психологией отнюдь не означает возвращения к объяснению этих фактов через индивидуальное, «рассмотрению языка как области исключительно индивидуальной» (тем не менее мы не должны забывать, что даже индивидуальное детерминируется общим и прежде всего социальным). В любом случае речь идет не об обращении к психике отдельно индивида, а о том, чтобы дать интерпретацию через общие законы психики, в которых может найти объяснение даже факт существования систем или структур в языке, соответствующих алгоритмам человеческой деятельности. Некоторые аспекты лингвистической теории могут найти, таким образом, объективные аргументы даже в технической реальности⁹.

3. При изложении методологии важно уточнить объект изучения. Психолингвистика изучает язык в его конкретных реализациях, в «сообщениях», в отношении между говорящим и слушающим в различных ситуациях. Психолингвистическая методология должна, следовательно, с одной стороны, указывать специфические методы собирания фактов, связанных с конкретными ситуациями, а с другой стороны, помогать интерпретировать их —

⁹ Начинают появляться работы, делающие попытку согласовать математическую, или «трансформационную», лингвистику и психологию: В. Ингве, например, выдвинул теорию («гипотеза глубины»), основанную на психологических ограничениях памяти, установленных Дж. Миллером (V. Y n g v e. The Depth hypothesis. «Structure of language and it's mathematical aspects (Proceedings of the XIth symposium in applied mathematics)», American Mathematical Society, 1961, стр. 130—138; N. C h o m s k y. Formal properties of grammars. «Handbook of mathematical psychology. N. Y.—London—Wiley, 1963, Vol. II, стр. 330), смысл которой заключается в том, что человеческий организм способен использовать и идентифицировать регулярные структуры языка (мы обязаны С. Маркусу напоминанием об этих работах, лежащих вне основной идеи, представленной в нашем сообщении).

и в первую очередь способом перечисления. Мы сможем дать здесь только несколько общих методологических принципов и только некоторые из их применений.

а) В противоположность некоторым экстремистским направлениям структурной лингвистики (см. Ельмслев)¹⁰, психолингвистика в том понимании, которое мы даем, не отвергает дедуктивный метод, а полагает, что индуктивный и дедуктивный методы одинаково полезны и должны быть использованы взаимно дополняя друг друга.

Важная задача психолингвистики, результаты решения которой послужат также лингвистике, состоит, таким образом, в сборе фактов языка как живой реальности, в регистрировании лингвистической реальности в различных индивидуальных сообщениях, с помощью которых реализуются возможности языка, и выведения из них некоторых общих принципов.

б) Изучая язык в процессе функционирования, т. е. как феномен коммуникации, психолингвистика включает в свою сферу и говорящего, и слушающего и изучает изменения, вызванные изменением установки, а также взаимные влияния, которые предполагает это отношение¹¹.

Вот почему психолингвистика может внести свой вклад в более углубленное изучение некоторых аспектов, для которых лингвистика имеет в настоящее время мало данных: речь идет о коммуникации как таковой, взятой в своей реальной динамике в устной или диалогической¹² форме. Интересные материалы, касающиеся различных аспектов разговорного языка: интонация, темп, пауза; «паразитарные» формы выражения, предпочтение в выборе определенных лексических, морфолого-синтаксических средств в устной речи, их комбинация и замена во фразе мимикой и жестикულიацией и т. д.— также могут быть собраны психолингвистическими методами.

¹⁰ I. Hjelmslev. La structure metodologique. «Essais...», p. 122.

¹¹ T. Slaama-Cazacu. Langage et contexte. 'S Gravenhage, 1961.

¹² T. Slaama-Cazacu. Dialogue la copii. «Le dialogue chez les enfants». București, 1961. Исследования, посвященные конкретным реализациям языка, не ограничиваются только уровнем индивидуального (частного), далее мы будем говорить о периоде, который следует за регистрацией фактов, а именно об интерпретации, объяснении и синтезе фактов, который приведет к формированию принципов и законов психолингвистики.

в) Психолингвистика изучает язык в реальных ситуациях — иными словами в процессе активности и в то же время в совокупностях, составляющих выражение (речь): методика, которую мы предлагаем, является, таким образом, методикой динамико-контекстуальной.

г) С помощью этой методики станет возможным проследить феномен коммуникации в его разворачивании (развитии), попеременный обмен репликами, последовательное построение фразы, модификации, появляющиеся из-за изменения ситуации или состояния партнеров и т. д. Динамическое исследование языка через деятельность индивидов и особенно деятельность во время труда, позволяет наблюдать факты языка, которые часто ускользают от лингвистики.

Эта методология повышает интерес к изучению языка в генетической или общей эволюционной динамике, к процессу усвоения языка ребенком, к процессу усвоения иностранного языка и т. д. Психолингвистика дает решение этим проблемам путем изучения динамики процессов обучения языку и использования языка.

д) Второй принцип динамико-контекстуальной методики предполагает необходимость изучения различных аспектов коммуникации в соотношении с контекстом — идет ли речь об общем социально-историческом окружении (среде), или же о конкретной ситуации, в которой находится говорящий, или о дискурсивных, синтагматических совокупностях, в которые включен каждый составляющий (кроме того, не надо забывать связывать каждый факт с системой языка в целом). Принципы интегрального рассмотрения приложимы не только к интерпретации фактов языка, но также и к способу их собирания. Иными словами факты не вырываются из контекста, рассматриваются не изолированно, но в связи с ситуацией (ситуацией окружения, или, строго говоря, лингвистической ситуацией).

е) Динамико-контекстуальная методика предполагает специфику ее психолингвистического применения в связи с необходимостью отмечать и интерпретировать факты языка, соотнося их с физическим состоянием индивида (говорящего или слушающего). Естественно, если мы встанем на эту точку зрения, то тогда, учитывая и некоторые общие положения, мы также придем к индивидуальному — к тому, что наиболее тесно связано со стилем. Эмоциональность (аффектив-

ность), «мотивация», в ее современном психологическом понимании (интересы, потребности, тенденции), тип темперамента и общие специфические черты психологического состояния (усталость, печаль и т. д.) играют роль в выборе средств выражения и являются поэтому аспектами, которые психолингвистика не только не может игнорировать, но для которых она является единственной дисциплиной, способной изучать их адекватным образом. Связь с мышлением составляет один из наиболее важных аспектов этой проблемы, и следствием этого является выдвигание на первый план проблем значения и трактовки соответствующим образом этого значения.

ж) Методическим принципом исследования или методом в узком смысле, которым может пользоваться психолингвистика, является наблюдение (с помощью опроса, но с некоторыми коррективами по отношению к этой процедуре, обычно используемой в лингвистике) и эксперимент.

Мы считаем, что одна из важных частей психолингвистики — экспериментальная методика, изучающая факты языка (ее значение настойчиво подчеркивалось американскими психолингвистами). Наконец, одинаково полезны различные способы, позволяющие объективно и очень точно регистрировать различные изучаемые аспекты при помощи современной техники в психологии и даже в физиологии.

з) Психолингвистическая методология не ограничивается сбором данных, но интерпретирует их соответствующим образом: это в первую очередь объяснительная методология. Сбор и интерпретация фактов составляют единое нерасчленяемое целое, это два аспекта, один из которых всегда существует в форме другого.

В отличие от методологии некоторых направлений структурализма, психолингвистика как мы ее себе представляем пытается дать одновременно объяснение лингвистических фактов, а не только простое их описание; во всех случаях она пытается интерпретировать факты, например, интерпретировать факты структуры или системы через их действительную причинность, а не посредством ложного объяснения, рассматривая внутренние связи «автономной» системы. Речь идет не о том, чтобы избежать «абстракции», но о выяснении связей фактов с реальностью: дают ли они некоторое сущностное представление о действительности, или же они яв-

ляются чисто мыслительными построениями, не имеющими отношения к реальности языка. Кроме всего прочего, психолингвистика могла бы также помочь лучшему пониманию и объяснению «глубинных фактов» языка (являющихся, вероятно, отражением психосоциального детерминизма). Я должна также добавить, что обработка собранного материала нисколько не исключает использования новых методов (статистических или принадлежащих теории информации), заимствованных как у лингвистики, так и у современной психологии: контакт с психологией не означает сегодня, как это было несколько десятилетий тому назад, когда лингвисты справедливо питали недоверие к «психологизму», — потери возможности точной, объективной обработки результатов.

4. Мы применяем психолингвистическую методику в различных работах (исследованиях), опубликованных в течение последних десяти лет (некоторые исследования мы провели гораздо раньше).

Одним из принципов представленной методологии является принцип прямого собирания фактов, поэтому было естественно, что наше внимание было сосредоточено на фактах, относящихся к румынскому языку.

Что же касается детской речи, то мы попытались собрать факты, которые, насколько это возможно, поддаются лингвистическому анализу и которые были зарегистрированы у большого количества детей (материал, на котором основываются опубликованные до сих пор работы, был собран у 600 детей в возрасте от 2 до 7 лет, родной язык румынский)¹³. Эти исследования посвящены усвоению лексики и снятию многозначности слов; усвоение грамматической структуры начинается с появления «синтагматических блоков», значение которых постепенно модифицируется; кроме того, значительная часть исследований выявила приспособление к динамике диалога и т. д. В этих исследованиях последовательно прослеживается соотношение между

¹³ Результаты опубликованы: T. Slama-Cazacu. *Relatiile dintre gândire și limbaj în ontogeneza.* («Связь между мышлением и речью в онтогенезе») București, 1957; Она же. *Dialogue la copii. Particulăți ale însușirii structurii gramaticale de către copii între.* București, 1962 («Особенности усвоения грамматической структуры ребенком в возрасте от двух до трех лет»).

разговорным румынским языком взрослых и тем, который употребляют дети в силу механизма «выборочного эха».

Применение психолингвистической методологии¹⁴ позволило собрать данные относительно разговорного румынского языка взрослых и касающиеся 1) роли контекста, изучаемого также экспериментальными методами, 2) механизма контаминации и объяснения различных контаминаций в румынском языке через призму отношения языка и мышления, 3) способа, которым отражаются дифтонги в сознании носителя румынского языка; кроме того, была выявлена роль личного опыта в употреблении языка и разрешении омонимии в контексте и т. д.

Совсем недавно психолингвистическая методология, примененная к изучению связей между языком и деятельностью, позволила нам выявить¹⁵ факты, которые могут иметь значение не только для общей лингвистики, но и для романистики. Мы смогли зарегистрировать указанными методами различные выражения или различные смыслы (которых не было в материалах, собранных для Академического словаря), или такие явления, как числительные с формами флексий существительного в уменьшительном или в звательном падеже, замену некоторых слов жестами и т. д., которые очень мало или совсем не обсуждались в исследованиях, основанных на традиционной методологии. Было также обращено внимание на такую проблему, как создание оптимальных вербальных сообщений для нужд автоматизированной техники.

Совершенно очевидно, что психолингвистическая методология в изложенном нами виде находится еще в начальной фазе и требует уточнения. Но ее принципы постепенно выясняются благодаря тому, что они находят свое практическое применение. Это именно то, что мы решаемся рассматривать как аргумент в пользу методологии, которую мы только что изложили, и гарантией ее последующего применения.

*Перевела с французского
Н. В. Уфимцева*

¹⁴ Мы не можем здесь дать полную библиографию этих работ (см. нашу статью в SCL, 1965, 1, стр. 131 и далее).

¹⁵ T. Slama-Cazacu. Comunicarea în procesul muncii (Коммуникация в процессе труда). Bucureşti, 1964.

Дж. А. МИЛЛЕР

НЕКОТОРЫЕ ПРОЛЕГОМЕНЫ К ПСИХОЛИНГВИСТИКЕ *

Успехи, достигнутые теорией поведения (behavior theory) в исследовании сравнительно простых связей между стимулом и реакцией позволили психологам-экспериментаторам расширить область своих исследований и приступить к изучению более сложных ситуаций.

Наиболее перспективным и важным из новых областей исследования является, безусловно, речевое поведение.

В последние годы было сделано несколько попыток охарактеризовать человеческий язык в терминах, заимствованных из бихевиористских исследований тренировки и обучения (conditioning and learning) животных. Эти гипотезы широко известны, и здесь мы не будем рассматривать их. Достаточно лишь сказать, что результаты этих исследований разочаровали исследователей.

Если приступить к исследованию новой области поведения, имея на вооружении гипотезы и обобщения, сделанные на основе изучения другой области, то такого рода предвзятость может увести очень далеко от истины.

Существует опасность того, что второстепенные явления будут выдвинуты на первый план, а действительно важные факты будут рассматриваться без должного внимания или вовсе не рассматриваться. Такая опасность особенно велика, если обобщения делаются относительно разнородных явлений или переносятся с неречевого поведения на речевое.

Само по себе стремление расширить сферу явлений, описываемых некоторыми категориями, похвально.

* G. A. Miller. Some preliminaries to psycholinguistics. «American Psychologist», vol. 20, № 1, January 1965.

Но если это стремление не направлено прежде всего на то, чтобы получить действительную картину нового явления, даже напряженная мыслительная работа может привести к неудачам и разочарованию. Человеческий язык — вещь тонкая и сложная, в языке существует много аспектов, если и не уникальных, то во всяком случае сильно отличающих язык от других форм поведения; о природе этих явлений вряд ли можно делать какие-либо предположения, основываясь на анализе неречевого поведения, а тем более неверно механически применять методы этого анализа.

Учтя все это, я решил попытаться кратко охарактеризовать семь аспектов языка, которые без труда поймет любой психолог, дерзнувший попробовать свои силы в психолингвистике. Все эти аспекты хорошо известны специалистам в данной области, и они без труда могли бы удвоить и даже утроить число их. Тем не менее те семь характеристик, которые я собираюсь здесь привести, стоит повторить хотя бы потому, что они очень важны и не все психологи эту важность осознают.

Теперь я прямо перехожу к изложению «заповедей» для всех тех, кто рассматривает язык как потенциальный объект психологического исследования.

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Вероятно, смело можно сказать, что не существует двух отрезков речи, которые были бы идентичны акустически и физиологически. Но тем не менее мы обычно относимся к ним как к идентичным. Например, мы просим кого-то повторить, что мы сказали, и считаем это повторение верным, хотя очень легко показать, что данная звуковая (vocal) реакция по своим физическим характеристикам сильно отличается от данного звукового (vocal) стимула. Очевидно, не все физические аспекты речи являются значимыми для речевой коммуникации.

Это еще не самое сложное. Имеется много примеров: самый очевидный — это существование омофонов, когда физически идентичные стимулы имеют разную значимость. Мы не только считаем одинаковыми физически различные стимулы, но и по-разному реагируем на стимулы, физически идентичные. Часто два высказывания обладают разной значимостью, при этом никакого

различия в их физических характеристиках невозможно обнаружить, различие кроется в психологических факторах, которые выходят за рамки физических сигналов.

Задача по определению значимых характеристик речи еще более усложняется тем фактом, что некоторые физические характеристики, которые можно без труда обнаружить в речи большинства носителей данного языка, не имеют никакого значения для коммуникации. Так, взрывной согласный в начальной позиции (*p* в слове *pen*, например) американец произносит с аспирацией, *p* сопровождается движением воздуха (это легко проверить, поднеся ко рту ладонь). Если *p* встречается не в начальной позиции и входит в группу согласных, то это движение воздуха будет очень незначительно, или его не будет вообще. Одна и та же фонема в одних позициях произносится с аспирацией, в других — без нее.

Этот физический признак, который можно обнаружить в речи большинства американцев, не имеет никакого значения для коммуникации, т. е. если кто-то, например, произносит *p* в начальной позиции иначе, то его речь вполне понятна и никакой трудности в общении с собеседником такой человек не испытывает. Подобные факты, хорошо известные лингвистам, могут стать интересной проблемой для психологов, которые хотят изучить владение языком с помощью лабораторных исследований.

Прежде чем приступить к изучению простейших проблем порождения и восприятия речи, необходимо уметь отличать значимые аспекты речи от незначимых. Очень трудно выделить эти различия в терминах физических параметров речевых сигналов. Тут же нам приходится признать, что необходимо принимать во внимание аспекты языка, выходящие за пределы акустических и физиологических характеристик речи, иначе говоря, выходящие за пределы объективных свойств «стимула».

Поскольку проблема значимости является самой главной и обойти ее невозможно, важно отметить, что ей можно придать два разных смысла: по соображениям удобства они названы «предметной соотнесенностью» (*referense*) и «значением» (*meaning*).

Например, в большинстве контекстов мы можем заменить фразу «Джордж Вашингтон» на фразу «Первый президент Соединенных Штатов», поскольку оба выска-

звания обозначают одно и то же историческое лицо. Со времен Фреге считалось, однако, что такие фразы имеют разное значение, хотя и обозначают одно и то же. В противном случае было бы бессмысленным утверждение: *Джордж Вашингтон — первый Президент Соединенных Штатов*. Если бы значение и предметная отнесенность совпадали, то такое утверждение было бы столь же пустым, как *Джордж Вашингтон — это Джордж Вашингтон*. Поскольку высказывание *Джордж Вашингтон — первый Президент США* не является бессмысленным, должно существовать какое-то различие между тем же *Джорджем Вашингтоном* и фразой *Первый Президент США* и поскольку это различие не сводится к обозначению разных вещей, оно существует за счет чего-то другого, и это «что-то» мы, за неимением лучшего термина, называем «значением».

Это различие между предметной соотнесенностью и значением становится особенно отчетливым, если мы рассмотрим целые высказывания. Высказывание может быть значимым даже в том случае, когда весьма трудно обнаружить, с каким же именно предметом оно соотнесено (в том смысле, в каком слово *стол* соотнесено с предметом мебелировки на четырех ножках с плоской поверхностью и т. д.). Предложения значимы, но их значение невозможно выразить через обозначаемое, так как эти предложения могут ни с чем не соотноситься.

Конечно, можно возразить, что психолингвисту следует сосредоточить все внимание на исследовании изолированных слов и избежать таким образом трудностей, возникающих при работе с целым предложением. Такой подход был бы предельно удобен, если бы он приводил к каким-то результатам. Такой подход был бы возможен, если бы слова были автономными единицами и комбинировались по простым правилам. Если бы значение предложения можно было бы считать суммой значений входящих в него слов, то, зная методы определения значений отдельных слов, мы бы без всякого труда определяли значение любой их комбинации. Но, к сожалению, язык не так прост и *venetian blind* 'жалюзи' значит совсем не то же самое, что *blind venetian* 'слепой венецианец'.

Пожалуй, наиболее очевидный факт это то, что значение предложения не является линейной суммой входящих в него слов. *Вечное перо* и *павлинье перо* это

совершенно разные перья, хотя и фонологически, и орфографически эти слова идентичны. Слова в предложении оказывают взаимное влияние друг на друга.

В изолированном положении слово может обладать несколькими значениями; какое значение слово будет иметь в предложении — это зависит от контекста, в который слово попадет. Т. е. значение слова будет зависеть от других слов и их грамматической роли в предложении. Конечно, можно предположить, что значение комбинации слов удастся описать по каким-то закономерностям, но не по правилам линейного суммирования. Для этого необходима подробная характеристика разных способов, которыми слова могут взаимодействовать в словосочетании.

Стоит лишь рассмотреть тщательно отношения между словами и становится ясно, что взаимное влияние слов зависит от способа их группировки. Например, в предложениях типа *They are hunting dogs* предложение приобретает одно значение, если группируются слова *are hunting* как форма глагола, и совсем другое значение, если группируются слова *dogs hunting* как группа подлежащего.

Мы не можем определить значение слов, входящих в предложение, не зная, как слова группируются, т. е. мы должны принимать во внимание синтаксическую структуру предложения.

Далее, как только мы подходим к психологии предложения (psychology of the sentence), становится ясно, что невозможно обойти проблему продуктивности. Нет предела числу различных предложений, которые можно составить по-английски, комбинируя слова различными грамматическими способами, из чего следует, что невозможно описать английский язык, просто составив список всех предложений, допустимых в этом языке (grammatical sentences). Этот очевидный факт позволяет сделать весьма важные выводы. Он означает, что английские предложения должны быть описаны в терминах правил их порождения.

Для психолога этот «порождающий» (generative) подход к языку означает, что нужно рассматривать гипотетические устройства, способные комбинировать вербальные единицы в грамматически допустимые предложения. Для того чтобы мы имели возможность оперировать с бесконечным множеством всех возможных

предложений, такие гипотетические модели должны иметь характер лингвистических правил.

Язык — это превосходный пример поведения, управляемого правилами, и можно выделить несколько типов правил. Мы должны учитывать не только синтаксические правила для порождения и группировки слов в сочетании, но и семантические правила интерпретации этих сочетаний. Возможно даже понадобятся прагматические правила для характеристики бесконечного множества систем наших представлений (*belief system*). Только приняв допущения, что носитель языка владеет системой правил для порождения и интерпретации предложений, мы можем надеяться на то, что сумеем объяснить неограниченную комбинаторную продуктивность естественных языков.

Однако правила — это не законы. Правила можно нарушать, что часто и происходит в разговорной речи. И все-таки даже тогда, когда мы нарушаем правила, мы в состоянии определить (в определенных условиях), что сделали ошибку; из этого факта можно заключить, что правила имплицитно нам известны, даже несмотря на то, что не могут быть эксплицитно сформулированы.

Описание правил, которыми владеют все знающие язык, отличается от описания психологических механизмов, действующих при использовании этих правил.

Поэтому особенно важно всегда различать *knowledge* (чувство языка, владение его законами и структурой) и *performance* (языковая способность). Задача психолингвиста — создать и экспериментально проверить модели *performance* для построения языка. От лингвиста же психолингвист рассчитывает получить точную характеристику того, чем пытается пользоваться носитель языка.

И, наконец, важно помнить о том, что в нашей способности пользоваться языком присутствует значительный врожденный, природный компонент. Ни одна непротиворечивая система правил, изобретенная для целей коммуникации, не может заменить естественный язык. Любое человеческое общество имеет язык, и у всех языков есть общие черты — черты, называемые «языковыми универсалиями», которые на самом деле по своему характеру являются долингвистическими. Трудно себе представить, чтобы дети могли так быстро научиться языку от родителей, которые слабо себе представляют,

что такое язык, если бы дети в результате долгой эволюции не были бы приучены выбирать аспекты языка, имеющие универсальную значимость. Это и есть, коротко говоря, важный биологический компонент, определяющий существующий характер человеческих языков.

Таковы те семь положений, на которые я хотел обратить ваше внимание. Я позволю себе изложить их по порядку и попытаюсь объяснить, почему их важно иметь в виду в психолингвистическом исследовании.

ЧТО НАДО ПОМНИТЬ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ

1. Не все физические признаки речи являются значимыми для речевой коммуникации, и не все значимые признаки речи имеют физическую репрезентацию.

Это правило указывает, что восприятие речи включает группировку и интерпретацию речевых единиц и невозможно предсказать восприятие, лишь исследуя нашу способность различать произвольные акустические стимулы. Такие исследования продуктивны лишь в сочетании с лингвистическими данными о том, насколько эти различия значимы. Кажется, лингвисты единодушны в мнении, что абсолютные физические признаки данного звука менее важны, чем бинарные противопоставления, в составе которых звук входит в данный язык. Заметим, что хотя акустическая фонетика существует многие десятилетия, мы до сих пор не знаем, как выделить физические параметры для измерения значимых элементов речи, особенно тех, которые зависят от синтаксического и семантического аспектов высказывания.

2. Значение высказывания не следует смешивать с его предметной соотнесенностью. Здесь подчеркивается, что овладение значением слова — не то же самое, что просто овладение определенным набором звуков при наличии некоторого стимула из окружающей среды. Может быть, можно говорить об овладении отношениями предметной соотнесенности в терминах специальной тренировки (*conditioning*), но значение — явление гораздо более сложное и зависит от отношения данного символа с другими символами языка.

3. Значение высказывания не есть линейная сумма значений входящих в него слов. Это правило должно напоминать о том, что исследования изолированных слов

не решают проблемы и что попытки определить значение словосочетания, исходя из средних значений компонентов — по аналогии с законом о сочетаниях цветов — в общем случае будут неудачными. Пользуясь терминологией гештальтизма, можно сказать, что целое больше суммы его частей (или, по крайней мере, не равно ей).

4. Синтаксическая структура предложения обуславливает способ группировки слов, который определяет взаимодействие их значений. Это правило еще раз подчеркивает, что предложения иерархически организованы и что простые теории, сформулированные относительно последовательных цепочек реакций, не дают адекватного описания речевого поведения. Центральная проблема психолингвистики — определить, как мыслительные процессы (concepts) порождают упорядоченное сочетание лингвистических элементов, которое высказывается и понимается.

5. Число предложений и число значений, которые могут быть выражены, бесконечно. Это правило напоминает о том, что наше знание языка должно быть описано в терминах системы семантических и синтаксических правил, достаточно адекватной, чтобы породить бесконечное множество допустимых высказываний. И если эти правила приходится описывать как «навыки» (habits) носителя языка в моделях performance, необходимо иметь в виду, что это врожденные (genetative) навыки, более гипотетичные и менее абстрактные по своей природе, чем навыки, обычно исследуемые в экспериментах по обучению животных.

6. Необходимо различать описание языка и описание носителя языка. Это правило должно напоминать психолингвисту, что модель performance должна включать правила хранения информации и правила ее передачи. Тогда такая модель будет походить на реальное поведение носителя языка. Вообще пределы кратковременной памяти самым серьезным образом ограничивают нашу возможность следовать нашим же собственным правилам.

7. Способность человека к артикулированной речи содержит значительный биологический компонент. Это правило предупреждает, что попытки обучить животных говорить на человеческом языке обречены на провал. Как отметил Леннеберг, способность усвоить и испол-

зовать человеческий язык не предполагает особого ума или наличия мозга больших размеров. Для этого нужно просто быть человеком.

Как это бывает в науке, можно считать, что мы наполовину победили, если начали правильно формулировать вопросы. Я уверен, что понимание и применение этих семи положений может помочь нам в правильной постановке вопросов и даже противостоять неверным тенденциям, с которыми может прийти в психолингвистику психолог, вооруженный лишь теорией и методикой, разработанными для исследования невербального поведения.

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Семь заповедей уже были изложены мною дважды. Ради большей ясности я приведу их снова, на этот раз в виде критики форм, в которых психологи-экспериментаторы пишут о языке в свете общепризнанной теории обучения (*learning theory*).

Для наглядности выбираю предложение из введения к главе о языке в широко распространенном учебнике по психологии обучения. Отметив, что «по-видимому, язык развивается теми же путями, что и другие виды деятельности (*instrumental acts*)», автор пишет: «Определенные комбинации слов в интонации голоса усиливаются получением подкрепления (*reward*) и постепенно начинают использоваться в подходящих ситуациях в процессе оценочного обучения (*discrimination learning*)».

Это прекрасный пример того, что можно встретить и во многих других текстах. Этот пример выбран не из-за отношения к его автору, а потому, что все перечисленные мною выше семь правил перечеркиваются одной этой фразой.

Рассмотрим все по порядку.

Прежде всего, поскольку дети рождаются, не имея представления о словах, вряд ли можно ожидать, что они начнут усваивать язык, произнося комбинации слов. Возможно, создавая эту фразу, автор не думал о детях. Если бы он подумал о них, то, вероятно, написал бы: «Определенные сочетания звуков и интонации голоса усиливаются получением подкрепления и постепенно начинают использоваться в подходящих ситуациях в

процессе оценочного обучения...» Но в любом случае это не согласуется с нашей первой заповедью о том, что не все физические признаки речи значимы и не все значимые признаки характеризуются физически.

Ребенок не начинает с того, что осваивает звуки и слова и учится их комбинировать. Скорее, он прежде всего узнает, какие признаки являются значимыми и по мере обучения все более правильно дифференцирует собственные высказывания. Возможно, хотя и не обязательно, ребенок овладевает значимыми различиями, которые имеют физические признаки, «в процессе оценочного обучения». Но тогда нужно серьезно пересмотреть то, что мы обычно называем «оценочным обучением», чтобы объяснить, каким образом ребенок постигает значимые различия, не имеющие физической репрезентации, и почему он усваивает признаки, которые нельзя назвать значимыми и которые систематически не подкрепляются или ослабляются (например, аспирация начальных взрывных согласных).

Во-вторых, как я уже отметил (несколько смело, возможно), отношения предметной соотнесенности между визуально наблюдаемым объектом и вокализацией могут быть установлены «в процессе оценочного обучения». Однако я отрицаю возможность овладения значением таким путем.

Относительно того, что именно считать значением слова, соглашения нет, но любая формулировка этого понятия должна включать отношения значения данного слова со значениями других слов, которые могут оказаться с ним в одном контексте: это очень разветвленные отношения и они требуют куда более сложных внутренних механизмов (*cognitive machinery*), чем нужно для простого распознавания (*discrimination*). Поскольку автор подчеркивает, что в результате оценочного обучения происходит овладение словом и поскольку слово обладает и значением, и предметной соотнесенностью, можно обнаружить противоречие с моей «заповедью» — не смешивать значение и предметную соотнесенность. Возможно, если более внимательно отнестись к словам «употребляются в подходящих ситуациях», можно предположить, что автор не смешивает значение и предметную соотнесенность, а просто полностью игнорирует значение. Во всяком случае такой подход неприемлем для психолингвистики. К сожалению, фразу «определенные ком-

бинации слов и интонации голоса» можно понимать неоднозначно.

Неясно, имеет ли автор в виду, что слово усваивается с несколькими интонациями или это несколько интонаций для сочетаний слов, или мы одновременно учимся комбинировать слова и модулировать высоту тона. Просмотрев дальнейший текст, я не обнаружил никакого ответа на эти вопросы, поскольку во всех теоретических формулировках упоминались «слова», а во всех приведенных примерах фигурировали словосочетания.

Возможно, я несправедлив, но мне кажется, что автор, особенно когда речь идет о теории обучения (learning theory), не очень хорошо представляет себе различие между словами и предложениями. А если это различие, которое представляется мне исключительно важным, не имеет значения для данного автора, то это значит, что полностью игнорируется следующее мое положение: значения слов претерпевают изменения в зависимости от предложения, в которое эти слова входят.

Моя четвертая заповедь — о том, что синтаксическая структура предложения предполагает определенный способ группировки слов, который обуславливает взаимовлияние их значений — тоже полностью игнорируется. Независимо от того как будет понята двусмысленная фраза «Определенные комбинации слов и интонации голоса», мысль, выраженная в этой фразе, неверна. Если интерпретировать это высказывание подобным образом, то совершенно не учитывается проблема синтаксиса и речь идет только об изолированных словах. Если же подойти к этой фразе менее придирчиво, то получается, что автор полагает, будто бы словосочетания подкрепляются и начинают использоваться в результате оценочного обучения и что каждая допустимая в языке комбинация слов осваивается отдельно.

По грубым, но достаточно показательным расчетам, существует, по крайней мере, 10^{20} предложений длиной в 20 слов. Если бы ребенку надо было обучиться хотя бы этим предложениям, ему пришлось бы увеличить в 1000 раз рекорд долголетия, зафиксированный на земле, только для того, чтобы прослушать все эти предложения. Возможно, именно это и скрывается за словом «поэтапно»? При таком понимании данная фраза полностью противоречит пятой заповеди о том, что число предложений, которые можно выучить, беспредельно, и

автор подходит к абсурду на опасно близкое расстояние. Любая попытка объяснить овладение языком, не имеющая генеративного характера (*generative character*), только удалит нас от решения проблемы.

Что касается «подкреплений» вербальных реакций, то, насколько я понял, каждая связь типа «слово-предмет» характеризуется пространственной переменной (*intervening variable*) относительно линий силы навыка (*lines of habit stress*) в системе Халла (*Hull*). Это очень простая модель, слишком простая, чтобы служить моделью *performance* носителя языка, но это единственное, что предлагает автор. Автор также не разграничивает модели *performance* и *competence*, а против этого предостерегает наша шестая «заповедь». Возвращаясь к тексту данного учебника, можно сказать, что язык — «это сложное множество словесных реакций и также множество стимулов». Может быть можно говорить о речи как о множестве стимулов и реакций, но то, что носитель языка об этом языке знает, не может быть описано в этих терминах.

Язык включает бесконечное множество предложений и лишь небольшая выборка (*sample*) из них когда-либо встречалась или встретится в речи в виде реально существующего стимула или реакции. Автор покраснел бы от стыда, если бы обнаружилось, что он путает понятия произвольной группы (*sample*) и населения (*population*) в своих статистических трудах, но совершенно аналогичное смешение понятий «язык» и «речь» его не смущает.

И наконец, необходимо подчеркнуть, что система подкреплений (*reinforcement schedule*), с которой сталкивается ребенок, когда овладевает языком, полностью отлична от той, которой мы пользуемся при оценочном обучении. Нет никакой необходимости все время контролировать результаты «говорения» ребенка, повторяя «хорошо» или «плохо». Когда ребенок говорит что-то членораздельное, то сразу получает гигантское косвенное подкрепление. Короче говоря, ребенок обучается языку, пользуясь им, а вовсе не по точной схеме подкреплений (*schedule of rewards*) своих звуковых реакций в «подходящих ситуациях». Если при обучении животного оценочным методом экспериментатор будет пользоваться таким сложным и ненадежным способом, то животное ничему не научится.

Нельзя сказать, что ребенка «учат» говорить. Он обучается языку, но никто не знает, как его обучать, и меньше всего заурядная мать. Ребенок обучается языку, потому что природой ему предназначено особенно внимательно относиться к языку, замечать, запоминать и использовать его значимые признаки. Допуская возможность обучения языку в процессе «оценочного обучения», автор приведенной выше фразы из учебника забывает об огромной врожденной способности человека к овладению артикулированной речью. Помнить об этом призывает моя последняя «заповедь». В заключение можно заметить, что если приведенное предложение претендует на описание фундаментальных процессов, определяющих овладение языком, то выраженную в нем мысль нельзя признать ни исчерпывающей, ни верной. В лучшем случае, можно считать это гипотезой относительно механизма овладения некоторыми «клише» или экспрессивными «украшениями». Но в качестве гипотезы о наиболее очевидных и характерных особенностях человеческого языка приведенная гипотеза представляется мне совершенно неадекватной.

На этом заканчивается третий и последний «рейд» по «пролегоменам к психолингвистике».

Если я был чересчур дотошным и нетерпимым, прошу читателя меня простить. Но мне хотелось добиться полной ясности в том, почему я выделил именно эти аспекты языка и какое применение могут найти мои замечания в психолингвистическом исследовании.

Однако интереснее всего создать некоторую позитивную программу исследований, если мы действительно хотим получить реалистическое представление о том, что такое язык. И если проблема будет верно сформулирована, то, я уверен, нам придется принять следующее: речь идет об экспериментальной проверке гипотезы, а не об оценочном обучении; об оценке (evaluation) гипотезы вместо подкрепления реакций; о правилах вместо навыков; о продуктивности вместо генерализации; о врожденных и универсальных способностях человека вместо особых методов обучения речевым реакциям; о символах вместо обусловленных (conditioned) стимулов; о предложениях, а не о словах или звуках — короче говоря, о языке, а не теории обучения.

Задача создания продуктивной модели поведения носителя языка трудна и так, а тем более при наличии

«шор», которые не дают возможности реально взглянуть на наши задачи. Если гипотетические построения, которые необходимы для исследования, кажутся вам чересчур сложными и нестрогими, чересчур невероятными и надуманными, вам лучше отказаться от мысли исследовать язык. Потому что язык сложен, произволен, неожидан и осмыслен, и никакие теории относительно языка не сделают его иным.

Итак, все, что я хотел подчеркнуть своими «заповедями», следующее: язык невероятно сложен.

Я прошу прощения у читателей за то, что отнял у них так много времени, чтобы прийти к такой простой и очевидной истине.

*Перевела с английского
Е. И. Негневицкая*

Дж. МАРШАЛЛ

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СИНТАКСИСА *

Возникшее в последнее время стремление к экспериментальному исследованию (и переоценке полученных ранее данных) в психологии языка в значительной степени ведет начало от попытки Хомского сформулировать четкую теорию языковой структуры и построить на основе своей теории грамматику английского языка, характеризующуюся описательной адекватностью (Chomsky, 1957).

Грамматика, имеющая свойство описательной адекватности, должна содержать эксплицитную характеристику множеств и подмножеств формальных объектов, составляющих язык. Некоторые из этих множеств (например, множество дифференциальных признаков, множество грамматических форматоров, множество семантических маркеров) конечны, но многие из наиболее интересных для нас множеств (множество предложений, множество именных словосочетаний, множество прямых объектов) содержат бесконечное число членов. Грамматика должна быть системой рекурсивных правил, которая учитывает все предложения языка и упорядочивает структурные элементы каждого зафиксированного предложения. Грамматика этого рода обозначает собой возврат к дотаксономическим концепциям лингвистического исследования и, таким образом (по определению), выполняет эмпирическое требование психологической реальности для объектов (структурных описаний), которые они описывают. Представляется необходимым говорить о «психологической реальности» также примени-

* J. C. Marshall. Psychological Linguistics: Psycholinguistic study of syntax. Reprinted from «Encyclopedia of Linguistics Information and Control». Oxford, 1969.

тельно к специфическим правилам, которые, соединяя единицы, с тем, чтобы продуцировать полные структурные описания (Хомский, 1965), показывают, что «параметры оценки» для грамматик со строгой эквивалентностью суть существенные преддетерминированные процедуры решений, пользуясь которыми ребенок «выбирает» ту единственную грамматику, которая соотносима с тем, что он слышит в речи. При описании количественной (type — token) структуры словесного высказывания эти исследования очерчивают область, внутри которой могут быть осмысленно поставлены дальнейшие вопросы, представляющие психологический интерес.

Следовательно, в число важных (и по большей части нереализованных) целей психолингвистической теории входят: 1) объяснение того, как структурные описания, отраженные в грамматиках, перекодируются в сообщении и как сообщения декодируются и получают такие структурные описания; 2) изучение того, как их репрезентации запоминаются и воспроизводятся «памятью»; 3) разработка мер лингвистической сложности и «важности» (importance), приспособленных к различным психологическим задачам. Сами по себе грамматики не дают нам никакой информации о том, как эти цели достигаются (хотя они обычно предлагают контраргументы относительно механизмов, которые предлагаются). Однако ясно, что изучение того, что должно быть осуществлено для словесной коммуникации, предшествует изучению того, как это делается (т. е. удобно и в то же время соответствует традиции разграничивать знание и способ реализации этого знания).

Запоминание и воспроизведение структурных описаний. Кажется разумным предположить, что «объекты», которые перцептуальная модель должна покрывать и сохранять в памяти, соответствуют «глубинной структуре» высказывания, окруженной в первом синтаксическом компоненте. Это — та часть выхода из синтаксического компонента, которая интерпретируется семантически (например, для того чтобы снять двусмысленность слова *fair* в предложении *The woman was fair in her treatment of the workers* правила глубинной структуры должны соотносить *fair* с *treatment*, а не прямо с *woman*). (Ср. обсуждение проблем этого рода: Rubenstein, 1965 и Katz and Postal, 1964). Более того, глубинная структура един-

ственным образом определяет трансформационные операции, которые осуществляются вторым синтаксическим компонентом в процессе продуцирования «поверхностной структуры», подлежащей фонологической интерпретации.

Сэвин и Перчонок (Savin and Perchonok, 1965) изучили воспроизведение предложений, сопровождавшихся бессмысленными цепочками слов. Им удалось показать, что объем «пространства памяти», необходимого для различных типов предложений (измеряемый количеством слов в бессмысленной цепочке, воспроизводимых вслед за правильным воспроизведением предложения), соответствует длине их репрезентаций в глубинной структуре. Мелер (Mehler, 1963) показал, что различные синтаксические признаки, такие, как «пассивность», «отрицательность», «вопрос» (которые в самых последних теоретических исследованиях по грамматике используются для того, чтобы «зацепить» трансформации перестановки и сжатия) могут забываться независимо от цепочек, приписываемых категориям, которые репрезентируют грамматические отношения типа «субъект», «объект», «предикат» и т. п. Грамматические отношения (определяемые на субдеревьях, порождаемых компонентом глубинной структуры) явно существенны для семантической интерпретации и им может быть приписана мера «важности». Так, Блументаль (Blumenthal, 1966) продемонстрировал, что имена, выступающие в функции логического субъекта (*Gloves were made by tailors*), — категория, соотношенная с предложением в целом, — служит более эффективной «подсказкой» для правильного воспроизведения, чем имена, которые выступают лишь в адвербиальных словосочетаниях, относящихся к предикату предложения (*Gloves were made by hand*).

Модели процесса декодирования. Как эта глубинная структура используется перцептивной системой? Миллер и Хомский (Miller and Chomsky, 1963) предполагают, что в переработке синтаксической информации участвует двухступенчатое устройство. Они считают, что первый компонент модели (связанный с известными грубыми ограничениями, налагаемыми кратковременной памятью) осуществляет предварительный анализ поверхностной структуры предложения. Эта информация подается на вход второго компонента (являющегося частью долговременной памяти), который ис-

пользует возможности трансформационной грамматики для обнаружения фразовых маркеров, не данных явно. Алгоритм процесса обработки поверхностной структуры предложения, представляющий собой психологическую гипотезу, а не процедуру искусственного обучения, описан Торном и его соавторами (Thorne et al., 1965). В этой модели нет психологически необоснованных допущений, характерных для предидирующих алгоритмов. Подобное «разделение труда» можно подтвердить следующими факторами.

1) Некоторые люди могут прочесть определенный набор предложений почти мгновенно и тут же весьма точно «пересказать». Но спустя некоторое время они совершенно не помнят, о чем говорилось в этих предложениях. При более длительном восприятии достигается как правило полное понимание предложений. Это может говорить о том, что фонологическая интерпретация поверхностной структуры и семантическая интерпретация глубинной структуры психологически независимы.

2) Исследования единиц восприятия показывают, что посторонние прерывистые шумы (*extraneous clics*), сопровождающие слушание предложения, субъективно слышатся на границах основных составляющих предложения (Garret et al., 1966).

3) При такой экспозиции предложения, разбитые на части, соответствующие фразовой структуре, заучивались значительно легче (с меньшим числом предъявлений), чем предложения, разбитые на части произвольным образом (Wales, 1964). Некоторое представление об этом эксперименте дает таблица:

Вчера я заметил что молодая девушка в соседней комнате читала книгу о шахматах с большим интересом	Вчера я заметил, что молодая девушка в соседней комнате читала книгу о шахматах с большим интересом
--	---

Однако Торн и его коллеги (Thorne et al., 1965) указывают, в связи с практической проверкой их алгоритма, что нет необходимости в полном описании поверхностной структуры предложения, чтобы проникнуть в его глубинную структуру. Очевидно, задача состоит

в том, чтобы обнаружить эту глубинную структуру как можно скорее. Пока еще мало известно об устройстве этого компонента модели восприятия. Представляется маловероятным, однако, чтобы путь «анализа через синтез» (даже после того, как в результате предварительного анализа уменьшается множество подлежащих обработке единиц), соответствовал скорости человеческого восприятия.

Способы измерения синтаксической сложности

Предлагались различные способы измерения синтаксической сложности. Наиболее полно исследованы «степень гнездования (nesting) и самовставления (self-embedding)», «число трансформационных шагов, необходимое для перехода от глубинной структуры к поверхностной». Как способы измерения синтаксической сложности в связи с проблемой восприятия и порождения речи, перечисленные выше приемы обладают следующим недостатком: они построены на допущении, что операции, производимые в рамках психологической модели perceptance, находятся во взаимнооднозначном соответствии с операциями, при помощи которых грамматики порождают структурные описания (т. е. приемы эти предполагают относительно «чистый» анализ посредством процедур синтеза). Нельзя обойти тот факт, что некоторые из этих приемов оказывают влияние друг на друга (например, трансформация, перерабатывающая фразу *Look up the number* во фразу *Look the number up*, увеличивает число узлов дерева дериваций). Это вызывает серьезные трудности при анализе экспериментальных данных, так как проведение эксперимента предполагает полную адекватность и независимость способов измерения параметров. Известно, однако, что связанные самовставляющиеся структуры могут превысить оперативные возможности любой модели восприятия с конечной памятью. Миллер и Айзард (Miller and Isard, 1964) показали, что возможности человека оперировать такими структурами самым строгим образом ограничены.

Исследования самых разнообразных типов заданий (включая обучение, чтение, трансформацию предложений одного типа в предложение другого типа, принятие решения относительно достоверности или ложности пред-

ложения) показали, что сложность трансформации коррелирует со сложностью поведения в данной ситуации (о чем свидетельствуют такие четкие критерии, как число попыток, время выполнения задания, число и тип ошибок и т. д.). Получены важные результаты, указывающие на наличие некоторых психологических факторов, сопровождающих выполнение трансформационных операций (см. Miller and McKeep, 1964). Однако в основном эти результаты получены лишь для узких синтаксических типов [для факультативных, простых трансформаций, описанных Хомским (Chomsky, 1957), особенно пассивных, негативных, вопросительных и их комбинаций]. Основная проблема здесь такова: проделанные эксперименты не дают возможности показать, за счет чего возникает психологическая трудность — от того ли, что структурные описания трудно воспроизводить, или трудно сохранять в памяти, или трудно выдать (или, что еще хуже, возникают трудности всех трех видов). Можно предположить, что существуют различные психологические ограничения относительно перечисленных аспектов деятельности и, возможно, в каждом случае грамматика используется принципиально разными способами. Еще одна трудность заключается в том, чтобы помешать испытуемому формулировать ад-хок «правила», которые, возможно, и дадут возможность весьма успешно выполнить задания, но не дадут нам возможности судить о реальных процессах.

Модели процесса кодирования

Проблема, практически не подвергавшаяся исследованию: развитие формальных моделей у говорящего, устройство, которое перерабатывает «мысли» на основе основных структур семантического компонента. Трудность решения этой проблемы очевидна: до сих пор нет последовательной теории структуры мышления. Некоторые вопросы, связанные с данной проблемой, исследовались в рамках трансформационных грамматик (парафразы, антонимичность, противоречивость, представление лексических единиц в виде комплексных матриц признаков). Лакофф (Lakoff, 1964) исследовал механизмы порождающей системы, которые «справляются» с признаками, имеющими двойственный характер, — признаками, допускающими как синтаксическую, так и

семантическую интерпретацию (сюда входят понятия «субъект», «предикат», «одушевленность», «абстрактность»), и которые преобразуют семантические признаки прямо в основные цепочки. В литературе, посвященной проблеме искусственного интеллекта (*artificial intelligence*), было предложено несколько схем типа «вопрос—ответ». Эти схемы позволяют выдвинуть ряд интересных психологических гипотез (хотя, как правило, такие схемы рассчитаны на очень ограниченный синтаксис).

Построив модели порождения, можно проверить некоторые аспекты их психологической валидности следующим образом — посмотреть, можно ли на выходе этих устройств получить (в естественном виде) все множество явлений хезитации (*hesitation phenomena*), встречающихся в нормальной речи: запинки, повторения, заполненные и незаполненные паузы и т. п. Имеется целый ряд работ, показывающих, что различные типы явлений хезитации отражают определенные явления, связанные с процессом кодирования. Необходимость таких исследований очевидна, если принять во внимание тот факт, что частота пауз и подобные явления закономерно связаны с уровнем (интуитивным) сложности данной задачи кодирования.

Паузы хезитации возникают на границах слов, но очень редко встречаются на границах слогов или морфем (когда нужно, обычно повторяется все слово целиком). Паузы относительно часто предшествуют основным лексическим категориям, особенно существительным. Вероятность двустороннего предсказания единицы, предшествующей паузе, очень низка, хотя часто можно предсказать форму и класс единицы, следующей за паузой (Tappenberg et al., 1965). Паузы редко встречаются внутри некоторых составных структур (например, между компонентами структур «глагол — наречие» и «усилитель—наречие», между вспомогательным глаголом и инфинитивом).

Данные исследований в этой области трудно интерпретировать, так как возникает проблема разграничения «стилистических» и эмфатических пауз, соединительных пауз и просто очень медленной речи. Бумер (Boomer, 1965) провел весьма подробный методологический и критический анализ литературы по этому вопросу. Судя по всему, имеющиеся данные показывают, что во мно-

гих случаях паузы предшествуют принятию решения относительно типа порождаемой фразы и выбора соответствующих лингвистических единиц.

Перевела с английского

Н. Е. Негневицкая

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ И ИСТОЧНИКИ

- Brumenthal, 1966 — *A. L. Brumenthal*. Prompted recall of sentences. «Journal of Verbal Learning and Verbal Behaviour», 1966.
- Boomer, 1965 — *D. Boomer*. Hesitation and grammatical encoding. «Language and Speech», v. 8, 1965, стр. 148.
- Chomsky, 1957 — *N. Chomsky*. Syntactic Structures. «Janua Linguarum. Series Minor». 4. The Hague. Mouton, 1957.
- Chomsky, 1965 — *N. Chomsky*. Aspects of the Theory of Syntax. Cambridge, Mass., 1965.
- Carrett et al., 1965 — *M. Garrett, T. Bever and J. A. Fodor*. The active use of grammar speech perception. «Perception and Psychophysics», v. 1, 1965, стр. 30.
- Katz and Postal, 1964 — *I. I. Katz and P. M. Postal*. An integrated theory of linguistic descriptions. Cambridge, Mass., 1964.
- Lakoff, 1964 — *G. Lakoff*. Toward Generative Semantics. Mimeo, 1964.
- Mehler, 1963 — *J. Mehler*. Some effects of grammatical transformations on the recall of English sentences. «Journal of Verbal Learning and Verbal Behaviour», v. 2, 1963, стр. 346.
- Miller and Chomsky, 1963 — *G. A. Miller, N. Chomsky*. Finitary models of language users. «Handbook of Mathematical Psychology», v. 2, N. Y., 1963.
- Miller and Isard, 1964 — *G. A. Miller, S. Isard*. Free recall of self-embedded English sentences. «Information and Control», v. 7, 1964, стр. 292.
- Miller and McKean, 1964 — *G. A. Miller and K. O. McKean*. A chrometric study of some relations between sentences. «Quart. J. Experim. Psychol.», v. 16, 1964, стр. 297.
- Rubenstein, 1965 — *H. Rubenstein*. Problems in automatic word disambiguation. «Paper presented to Conference of Computer-related Semantic Research». Las Vegas, 1965.
- Savin and Perchonok, 1965 — *H. B. Savin and E. Perchonok*. Grammatical structure and the immediate recall of English sentences. «J. Verbal Learning and Verbal Behavior», v. 4, 1965, стр. 348.
- Tannenbaum et al., 1965 — *P. H. Tannenbaum, F. Williams and C. S. Hillier*. Word Predictability in the Environment of Hesitations. «J. Verbal Learning and Verbal Behavior», v. 4, 1965, стр. 134.
- Thorne et al., 1965 — *J. P. Thorne, H. Dewar, H. Whiffield, and P. Bratley*. A model for the perception of semantic structure. Mimeo, 1965.
- Wales, 1964 — *R. J. Wales*. Problems of repetition in verbal learning Paper read to the meeting of the British Psychological Society. London, 1964.

Р. РОММЕТВЕЙТ

СЛОВА, ЗНАЧЕНИЯ И СООБЩЕНИЯ¹

ЧАСТЬ II

ОБЪЕМ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

1. Место науки о языке в общей науке о знаках

Вопросы:

Каким образом психолингвистика соотносится с более широкой наукой о знаках, т. е. семиотикой?

Каковы преимущества и недостатки подразделения самой семиотики на отдельные области?

Возможно ли, например, различение между правилами языка как системы, с одной стороны, и условиями функционирования языка, с другой?

В чем отличие психолингвистического подхода в исследовании естественных языков от структурного и логического?

Резюме

Знаковый процесс (или процесс симеозиса) содержит три основных компонента: знак, интерпретатор, означаемое. Язык, в соответствии с концепцией Ч. Морриса, может рассматриваться как система знаков, связанных с синтаксическими, семантическими и прагматическими

¹ R. Rommetveit, Words, meanings and messages. «Theory and experiments in psycholinguistics». N. Y.—London, 1968. Рамки данного сборника не позволили включить в него полный перевод монографии Р. Румметвейта, поэтому осуществлен перевод основных тезисов и резюме каждой части книги. Первую часть составляет введение, пятую часть — эпилог; их перевод не дается.

правилами. Синтаксические правила есть правила сочетаемости знаков, семантические правила есть правила соответствий между знаками и обозначаемыми. Прагматические правила имеют дело с условиями употребления языка и влиянием языка на поведение.

Взаимозависимость этих правил легко прослеживается в искусственных и относительно простых языках, одним из примеров которых может служить система дорожных знаков. В системе дорожных знаков ясно запрещаются определенные комбинации знаков, ибо это может привести к нежелательному поведению со стороны людей, пользующихся этими знаками. Мы также прекрасно осознаем тот факт, что язык дорожных знаков составлен таким образом, чтобы он мог подходить для характерных экстралингвистических условий: времени, пространства, дорожных условий и соответствующего поведения на дороге.

Естественный язык напоминает язык дорожных знаков в нескольких важных отношениях: совершенно ясно, что синтаксические, семантические и прагматические правила естественного языка переплетены очень тонким образом, и мы лишь тогда сможем полностью понять свойства языка, когда обратим внимание на исследование высказывания в его экстралингвистическом коммуникативном окружении. В этом случае бихевиористская психология языка сможет заняться исследованием условий употребления языка и влиянием языка на поведение, в то время как наука о языке будет продолжать изучение синтаксических и семантических правил, присущих языковой системе. Психолингвистический подход возникает на стыке психологического и лингвистического подходов, когда психолог начинает исследовать познавательные (*cognitive*) процессы, а лингвист направляет свои усилия на исследование процессов порождения и понимания речи.

В связи с этим возникают проблемы междисциплинарной кооперации и совместных поисков методов исследования. Среди лингвистов нет единодушного мнения относительно природы лингвистических правил. Последние могут иметь эксплицитные или имплицитные нормативные цели, как, например, уменьшение двусмысленности (*ambiguity*) внутри определенных актов речи (*discourse*). Следовательно то, что кажется логической аномалией с точки зрения чисто лингвистического анализа,

может быть вполне объяснимо, когда высказывание рассматривается в рамках общей передачи сообщения и кумулятивного оперирования информацией (cumulative information processing).

Поскольку отношения между лингвистическими правилами и психолингвистическими механизмами очень сложны и почти не разрешены в настоящее время, мы сделаем попытку ответить на этот вопрос, рассмотрев базисные признаки естественных языков.

2. В поисках психологических базисных признаков естественных языков

Вопросы:

Каковы основные характеристики коммуникативных актов? Что мы знаем об отношениях, существующих между сообщением (message) и способами его передачи?

Какие семиотические признаки характеризуют акты речи?

Каким образом языковые элементы этих актов соотносятся с сопутствующим им экспрессивным поведением и паралингвистическими признаками?

Каким образом в определенной социальной ситуации создаются специфические условия коммуникации, в которых имеет место высказывание — происходит ли это путем использования только языковых средств, или путем использования как языковых, так и экстралингвистических факторов?

Резюме

Коммуникативные акты всегда социальны и направлены: посылаемое сообщение кодируется определенным знаковым образом, получаемое сообщение восстанавливается посредством операции декодирования. Эффективность коммуникации может быть в принципе определена путем установления соответствия между посланным и полученным сообщением. Кодирование и декодирование — комплементарные процессы: кодирование необходимо включает предполагаемое декодирование. Набор

знаков (языковых или неязыковых) является необходимым условием для передачи сообщения.

Как правило, акты речи обеспечивают недвусмысленные временные и пространственные координаты коммуникации, а дейктические языковые элементы связывают сообщения с такими экстралингвистическими параметрами, как: говорящий — слушающий, момент речи, место и т. д. Следовательно, высказывания всегда входят в определенные экстралингвистические ситуации, причем таким образом, что одни и те же языковые знаки могут передавать совершенно различные сообщения в различных ситуациях. Однако для того, чтобы знаки могли выполнять эту функцию, должна существовать ранее установленная когнитивная (cognitive) конвергенция (convergence) знаков. Полезно, следовательно, соотнести высказывание с означаемым им десигнативным полем, на которое направлен разговор говорящего и слушающего.

Высказывание является самонаправленным, когда в десигнативное поле входит сам говорящий, т. е. самонаправленность предполагает, что сам говорящий становится объектом. Этот случай наиболее четко выявляется при сравнении высказываний о внутреннем состоянии говорящего с произвольными внешними проявлениями этих состояний. Информация о внутренних состояниях опосредуется также такими паралингвистическими признаками, как тон и отдельные характеристики произношения. В этом случае в акте речи имеют место два различных, но протекающих одновременно семиотических процесса. Они могут быть либо соотнесены друг с другом, либо не соотнесены. Так, например, гнев, выражаемый моим голосом, очевидно соотнесен с лингвистически опосредованным сообщением в том случае, если я говорю о моем гневе или о моем враге, но не о приятной погоде.

Другие чисто лингвистические признаки высказывания обеспечивают модель поиска, а не передачи информации. Это случай наличия в английском языке прагматических способов выражения вопросительности или повествовательности с фрагментами типа: *I believe* и *I suppose*, когда не имеет места референция к самому себе. Таким образом, языковой материал тонко и подчас неуловимо соотносится с внелингвистическими моментами коммуникативной ситуации. Некоторая экстра-

лингвистическая информация требуется подчас даже для чисто лингвистического анализа языкового материала.

2.2. Языковой материал

Вопросы:

Какие психологические вопросы возникают при анализе универсально наблюдаемого явления избыточности естественных языков?

Каким образом лингвисты определяют «мельчайшие элементы» речи?

Как соотносятся эти элементы с выделяемыми психологами перцептивными и когнитивными сущностями (perceptive and cognitive entities?). Как лингвистическое описание иерархической организации речи соотносится с психологическими моделями объединения (группирования—«chunking») информации?

Какие проблемы возникают, когда мы рассматриваем процессы говорения и слушания как процессы, протекающие в реальном времени, имеющие специфические модели временного порядка и обладающие в то же время вневременными иерархическими структурами?

С какими трудностями нам придется столкнуться, если мы будем работать с такими единицами речи, как слова и словесные группы?

Должны ли поиски психологически значимых единиц речи привести нас в первую очередь к специалисту по грамматике, лексикографу или к обоим вместе?

Резюме

Любой естественный язык отражает избыточность в том смысле, что последующие сегменты речи могут быть частично предсказуемы на основе предшествующих сегментов. Психологические исследования, однако, показывают, что мы должны рассматривать всю область взаимозависимых источников избыточности. Действительное выполнение в «угадайке» (guessing games) не подтверж-

дает идею о простых стохастических механизмах в языковых операциях, но говорит об очень сложных отношениях, существующих между сообщением и звуками, посредством которых оно выражается.

Речевой звук — это пучок артикуляторно-акустических признаков. Конечный ряд дискретных категорий таких звуков, фонем, составляет мельчайшие элементы речи. Морфемы, минимальные единицы, обладающие значением, есть фонемы и соединения фонем со специфическим семантическим наполнением. Формальная грамматика занимается описанием правил соединения фонем в грамматических высказываниях. Фонологические правила предписывают комбинации фонем, морфологические правила должны рассматривать соединения морфем и, наконец, синтаксические правила (имеется в виду употребление термина в лингвистике) рассматривают соединения языковых единиц высших уровней в предложении. Таким образом, все языки отражают определенную иерархическую структуру и в то же время «двойственность моделирования» (a duality of patterning). Даже самое сложное сообщение выражается конечной цепочкой фонем. Однако отношения между минимальными сегментами речевых звуков и сигнификациями (significations) в основном произвольны.

Посреднические (intermediary) и языковые единицы высшего порядка, т. е. морфемы, слова, семы или непосредственно составляющие предложений, предполагают наличие какого-то механизма, посредством которого происходит перекодирование или объединение элементов. Таким образом, идентичность (identity) низших экспрессивных (expressive) сущностей частично зависит от включения их в структуры высшего порядка: в зависимости от контекста «s» в слове *fits* может быть или морфемой третьего лица и настоящего времени, или морфемой множественного числа существительного; *are* в *They are flying planes* является или связкой или вспомогательным глаголом в зависимости от того, что является темой разговора: летчики или самолеты. Те же особенности выразительных (expressive) средств проявляются и в том, что одно и то же сообщение может быть закодировано с помощью целого ряда синтаксико-семантических средств.

Отношения между конструктами, определяемыми в лингвистике, и когнитивными переменными (cognitive

variables), выделяемыми в психологии, до сих пор не выяснены. Предположения относительно дистинктивных и инвариантных семантических признаков, развиваемые в лингвистических теориях последних лет, не могут быть легко согласованы с психологической теорией и данными о концептуальных процессах. Более того, представления о времени и количестве не отражаются в языковых категориях простым и недвусмысленным образом. И только те лингвистические теории, которые выходят за пределы традиционной лингвистики и рассматривают синтаксические структуры как абстрактные событийные (event) структуры десигнативной области, поддаются психологической интерпретации. Что касается семантики, то мы ограничимся эмпирическими лингвистическими теориями, подчеркивающими гибкость и открытость словесных значений.

В каждом языке можно провести сегментацию речи на слова или подобные им отрезки. Такие сегменты обладают различной семантической значимостью. Одни сегменты обладают внутренней значимостью (signification); другие имеют значимость тогда и только тогда, когда они входят в определенные группы слов; третьи выполняют специфические дейктические функции и т. д. Слово оказывается хорошо определенной перцептуальной единицей речи и в качестве таковой может быть достаточным языковым компонентом передачи сообщения, чего нельзя сказать о любой другой единице низшего уровня. Два или более слова могут образовывать связную группу слов. И то, что в одном языке передается отдельным словом, может передаваться в другом языке определенной группой слов.

Организация дискретных сегментов речи в сложные единицы различных размеров и видов может рассматриваться различными способами. Лингвистические изучения правил образования предложения и непосредственные составляющие высказываний отражают иерархическую организацию от «вершины до основания» (from top to bottom), которая изображается в деревообразных графах предложений, не отражающих чисто временную последовательность как таковую. С другой стороны, анализ временной организации дает модели, которые отражают обязательства при кодировании, и ограничения, накладываемые кратковременной памятью. Более того, совместный иерархическо-временной

анализ обращает наше внимание на случаи асимметрии между кодированием и декодированием. Таким образом, два подхода являются в определенных отношениях взаимозависимыми и комплементарными.

Лингвисты до сих пор спорят относительно природы структур, получаемых в результате исследований подобного рода: являются ли они синтаксическими, семантическими или семантико-синтаксическими. Следовательно, дальнейшие рассуждения об отношениях между языковыми структурами, экстралингвистическими аспектами вербальной коммуникации и психологическими процессами должны быть отложены до тех пор, пока мы будем иметь больше данных относительно психологии слова.

ЧАСТЬ III

СЛОВА И ЗНАЧЕНИЯ СЛОВ

1. Слово как переменная стимула и реакции

Вопросы:

Какие перцептуально-когнитивные операции должны быть проведены над определенной последовательностью речевых звуков (или цепочкой букв), чтобы она приобрела статус слова? Какую картину слова мы получаем в результате микроанализа, основывающегося на лабораторных экспериментах по словесному восприятию? Какое влияние оказывают семантические процессы высшего порядка на восприятие слова и что мы знаем об отношениях, существующих между когнитивными и моторными процессами сказанного слова?

Какие абстрактные базисные признаки языка выявляются при рассмотрении микрокосма слова (the microcosm of the word)?

Резюме

Микроанализ слова выявляет очень сложную структуру. Словесная форма порождается путем объединения атомных речевых сигналов или письменных букв в соответствии с правилами морфологии. Слово порож-

дается на основе такой словесной формы, и, когда слово входит в особые случаи передачи сообщения, активизируется определенное словесное значение. Чисто конструктивный (constructive) аспект восприятия словесных форм выявляется в особых условиях чтения, когда имеет место двусмысленность в отношении расположения букв в поле зрения. Высшие когнитивные аспекты формирования слова выявляются в случаях омонимии, когда различные слова передаются идентичными перцептуальными формами.

Следовательно, слово — произнесенное или услышанное, написанное или увиденное — содержит как высшие элементы передачи сообщения, так и низшие средства выражения. Декодирование включает взаимосвязанные афферентные и эфферентные механизмы на различных уровнях иерархической структуры. В обычных условиях передачи сообщения имеет место только высший уровень семантического приписывания (semantic attribution), операции низшего порядка могут потребовать особого внимания в специфических экспериментальных условиях.

2.2 Референция и репрезентация

Вопросы:

Если мы будем рассматривать референцию слова как процесс, механизм, по которому слушающего ориентируют на неязыковую сущность, то какие сходства и взаимоотношения сможем мы найти между актом референции, с одной стороны, и дискриминаторными и концептуальными процессами, с другой?

Возможно ли, что акт наименования некоторого объекта определенным образом включается в процесс его восприятия?

Какими экспериментальными методами мы можем исследовать аспекты референции слова? Как происходит процесс референции: по ассоциации словесного наименования с объектом, путем образования связи между словесной формой и некоторой ранее приобретенной перцептуально-концептуальной стратегией или двумя этими путями, а также, возможно, какими-либо иными способами?

Резюме

Психологи изучают в основном значения только тех слов, которые имеют внутренние значимости, т. е. так называемые десигнаты. Психологический подход отличается от лингвистического тем, что он делает попытку разработать детально сложные временные модели оперирования словом (word processing). Полное значение слова может быть изображено как первоначальный акт референции, за которым следует длительная когнитивная репрезентация, оказывающая влияние и сама оказываемая под влиянием одновременно происходящих ассоциативных и эмоциональных процессов (emotive processes).

Первоначальный акт референции определяет, какое словесное значение будет порождено из омонимичной или полисемичной словесной формы. Кроме того, процесс референции можно представить как процесс, обратный различению. Аналогичные стратегии развертывания (scanning) и выбора решений входят как в задачу наименования объекта, так и в задачу отнесения слова к данной категории объектов. Следовательно, процесс словесной референции связан с поведением развертывания (scanning behavior), перцептуальными «анализаторами», приобретенной способностью различать сигналы и со сложными концептуальными стратегиями. Отдельные аспекты проблемы связи референции с перцептуальными и концептуальными процессами могут проясниться в результате исследований по изучению воздействия вербализации на выполнение заданий по различению.

Кроме того, экспериментальные исследования показывают, что существует определенное соотношение между языковыми контрастами, с одной стороны, и обратимостью понятий, с другой: предъявление одного члена контрастной пары слов (например, short, 'короткий') вызывает когнитивный элемент, соответствующий контрастному слову (long 'длинный'). Такая активизация всей двухполюсной модели оказывается характерным признаком начального акта референции. Совершенно различные стратегии референции могут приводить к одному знаку в том смысле, что все они могут применяться для установления одного ряда реальных объектов. Следовательно, для того, чтобы исследовать референцию

слова как процесс, мы должны выйти за пределы наблюдения соответствий между словом и реальным объектом и исследовать тонкие когнитивные стратегии развертывания (cognitive strategies of scanning) и выбора решений (decision — making).

Отдельные аспекты референции и когнитивной репрезентации обнаруживаются в направлении и глубине интенсивности. Эти аспекты могут быть иногда выявлены в вербальных и невербальных процедурах Т-лабиринта (T-maze procedure), которые заставляют испытуемого выбирать между парами последовательно все более ограниченных областей референции для каждого слова. Однако многие слова имеют неограниченно большие области референции. Одним из примеров слов подобного рода может быть такое простое слово, как tool, абстрактная референция которого требует освобождения от перцептивно-поведенческих реакций на конкретные инструменты.

Понимание процесса репрезентации как процесса обусловливания, как части поведения, вызываемой объектом, или как установки на реакцию более подходит для описания референции слова на ранних этапах овладения языком, чем для психологического анализа знания (competence) семантики языка взрослым. Кроме того, изучая овладение референцией, мы должны иметь в виду, что с самого начала слова встречаются не сами по себе, а в сложных внутриязыковых соединениях и что объекты всегда входят в сложные событийные структуры. Следовательно, можно сказать, что акты референции и когнитивные репрезентации развиваются в процессе деконтекстуализации: в актах наименования вычлняются значимые и инвариантные атрибуты объектов и событийных категорий (event categories), а нерелевантные, варианты и контекстуальные признаки выделяются как признаки референции других слов.

2.3. Ассоциативное значение слова

Вопросы:

Какие цели ставили перед собой исследователи ассоциаций до того, как психолингвистика выделилась в самостоятельную науку?

Каким образом мы можем отличить словесные ассоциации, отражающие внутриязыковые связи, от

ассоциаций, отражающих близость среди объектов референции?

Каково влияние определенной совокупности реакций на выполнение задания по словесным ассоциациям и какими другими приемами, кроме заданий по словесным ассоциациям, мы можем определить ассоциативные состояния, вызываемые пониманием (*comprehension*) слова?

Если нам удастся определить ассоциативное значение слова путем исключения ассоциаций, релевантных при референции, то каков будет характер оставшегося ассоциативного компонента значения слова?

Резюме

Словесные ассоциации регистрируются с различными целями. Они применяются в исследованиях по осмысленности вербального материала, в теории научения, в исследованиях по научению парными ассоциациями и формированию словесных понятий, в изучении аспектов референции слова, в измерении сходства между словами в отношении к их ассоциативным структурам, в исследовании так называемых синтагматического и парадигматического аспектов в овладении языком. Однако переход от наблюдаемых моделей типа «стимул — реакция» к ассоциативной структуре ставит ряд проблем.

Во-первых, мы должны четко различать ассоциативные реакции, относящиеся к области референции слова-стимула и истинные ассоциации (*associations proper*). Различие между этими двумя видами ассоциаций может быть показано на примере пар *cottage-building* 'коттедж-здание' и *cottage-lake* 'коттедж-озеро'. Можно сказать, что первая пара отражает внутриязыковые семантические связи и взаимозависимость концептуальных стратегий. Вторая пара отражает смежность когнитивных элементов, что изучается психологами, занимающимися исследованием ассоциаций. Можно сказать, что развертывание (*scanning*) свойств *building* составляет неотъемлемую часть референции слова *cottage*. Следовательно, релевантные ассоциативные референции оказываются первичными по отношению к реакциям, отражающим экологию (т. е. взаимоотношения и окружения

референтов — например, *lake* как реакция на *cottage* в ассоциативном ряду). Другие связи имеют чисто синтагматический характер, т. е. отражают смежность словесных форм таким образом, что получающаяся в результате пара «стимул — реакция» представляет собой связанную словесную группу. Однако выведение из ассоциативной реакции лежащей в ее основе ассоциативной структуры осложняется тем, что в одной и той же ассоциативной реакции часто пересекаются различные ассоциативные стратегии.

Исследования ассоциативных реакций могут также внести вклад в изучение внутренних состояний, порождающих эти реакции. Для того чтобы определить ассоциативные процессы во временной модели значения слова, мы можем использовать другие экспериментальные приемы, такие как оценки порогов распознавания ассоциаций сразу же после предъявления слова-стимула; эксперименты по предъявлению испытуемым пар словесных форм с противоположными значениями в письменном виде и исследования переноса обусловленных реакций, выработанных на данное слово-стимул, на его ассоциации. Подобные методы, наряду с регистрацией последовательностей ассоциативных реакций, могут дать ключ к разгадке ассоциативных состояний (*association stages*). Ассоциативное состояние может быть определено как вызванное стимулом состояние временного переупорядочивания (*reordering*) имеющегося в наличии внутреннего словаря. В процессе оперирования данной словесной формой участвуют отдельные когнитивные элементы, соответствующие другим словам; они включаются в сам процесс референции и репрезентации. В этом процессе вызываются (*evoked*) также другие связанные со словом-стимулом элементы, так что соответствующие им слова будут порождаться на основании очень слабого и/или двусмысленного (*ambiguous*) подкрепления со стороны слова-стимула.

Таким образом, ассоциативное состояние, вызываемое словом, можно рассматривать как состояние вызывания потенциальных ассоциаций. Наблюдаемые последовательности ассоциативных реакций отражают временно связанные выборы среди этих потенциальных ассоциаций. Проведение экспериментов как по свободным, так и по направленным ассоциациям может оказаться полезным в отделении области референции слова

от его ассоциативной структуры и в выделении чисто синтагматических ассоциаций. Полученные в результате меры ассоциативного значения помогут выделить тонкие аспекты моделей значения слова, которые смогут выявить интуитивно чувствуемые нами различия между, например, поэтическими и вульгарными словами, имеющими почти одинаковые области референции.

2.4. Эмоциональное значение (Emotive meaning)

Вопросы:

Какие явления рассматривались в философских исследованиях сигнализирующей или эвокативной функции речи (signalling or evocative function of speech)?

Возможно ли, что одинаковые эмоциональные результаты будут получены при использовании (выборе) определенных эмоционально насыщенных слов, с одной стороны, и экспрессивного невербального поведения и паралингвистических признаков речи, с другой?

Каковы основные достижения исследований «аффективной системы значения» (affective systems) и как они могут быть использованы в установлении языковых универсалий? Какова психологическая интерпретация основных достижений? Возможно ли отделить чисто эмоциональные процессы от референции и ассоциаций?

Резюме

Способность слов кодировать и вызывать аффективные состояния трактовалась как доказательство эвокативной или сигнализирующей (signalling) функции речи, совершенно отличной от символической функции, обнаруживаемой в исследованиях референции слова и репрезентационных процессах. Слова могут быть признаками (симптомами — symptoms) внутренних состояний и отношений говорящего и в то же время — сигналами, вызывающими определенные аффективные модели реакций в слушающем. Одно единственное слово *nigger* имеет в определенных речевых общностях дополнительный оттенок отрицательного отношения, помимо референции этого слова к неграм. В этом случае эмоци-

ональное значение явно присутствует в слове и является частью языкового кода: следовательно то, что в определенных условиях опосредуется целыми высказываниями (например, я могу иметь совершенно нейтральное отношение к таким словам, как *судьи, есть* (связка) *бизнесмены*, но объединение их в предложение *Judges are businessmen* может очень огорчить меня²), паралингвистическими признаками речи или сопровождающим речь экспрессивным поведением, в других условиях может быть достигнуто выбором определенных эмоционально насыщенных слов.

Однако психологические исследования аффективной системы значения ограничиваются только такими словами, которые имеют подобные прагматические функции. Можно сказать, что любой десигнат обладает некоторым эмоциональным значением. Определение моделей эмоционального значения производится при помещении слова-стимула (или понятия) на ряд полярных шкал прилагательных, таких как: «хороший — плохой», «слабый — сильный», «активный — пассивный», «холодный — теплый».

Факториальный анализ показывает относительно простое пространство аффективного значения. В эмоциональном значении выделяются компоненты оценки, силы и активности. Эти три фактора оказываются постоянными не только у различных индивидов, но и в различных языках. В то время как сравнительное изучение референции слов отражает относительность и фрагментарный характер мира понятий, аффективная система значения отражает универсальность, причиной которой являются врожденные (inherent) ограничения человеческих механизмов аффективной реакции.

Однако референция слова и ассоциативные процессы могут в отдельных случаях искажать измерения значения. Например, если пара прилагательных «теплый — холодный» применяется при оценке эмоционального значения слова *зима*, то реакция может стать обозначением зимних температур, нежели теплоты чувств по отношению к ним. При систематичном исключении всех таких релевантных только для референции шкал методика семантического дифференциала позволяет измерить модель аффективной реакции, вызываемой словом, путем

² Пример со стр. 143 (прим. перев.).

помещения слова на шкалы свободных от контекста прилагательных. Оценочное значение слова *мягкий*, например, должно быть найдено в той приятной эмоциональной реакции, которая остается инвариантной в различных сенсорных модальностях и составляет самый общий фактор в разнообразных фрагментах сообщений, таких как: *мягкая подушка, мягкая музыка, мягкое освещение и мягкий ветер* (бриз). Кодирование эмоционального значения слова, таким образом, необходимо включает в себя основной компонент метафоры. Эксперименты по обусловливанию эмоциональных значений слова подтверждают гипотезу о том, что в кодировании участвуют модели реакций, а не афферентные механизмы.

Самым сильным и наиболее постоянным фактором аффективного пространства значения является фактор оценки («хороший — плохой»). Эти важные гедонические моменты оценочного фактора аффективных состояний, дихотомия мотивации и полярность мыслей («нравится — не нравится»), без сомнения, не случайны и подтверждают вывод о том, что в данном случае мы имеем дело с основным и универсальным измерением аффективных и мотивационных состояний. Тот факт, что простые слова или сегменты речи используются как средства передачи оценочного фактора, оказывается универсальным базисным признаком естественных языков.

Психологическая и лингвистическая интерпретация других компонентов аффективного значения, таких как сила и активность, поднимает гораздо более трудные проблемы. Эти компоненты не обязательно присутствуют в оценке эмоционального значения во всех лексических полях. Следовательно, они не могут считаться универсалиями моделей аффективных реакций, но, очевидно, затрагивают физиогномические аспекты референции (*physiognomic aspects of reference*) и репрезентационных процессов, о которых мы еще пока мало знаем. Эмпирические данные и теоретический анализ смыкаются в модели эмоционального значения слова как доминирующего оценочно-аффективного процесса модели значения.

2.5. Взаимозависимость между компонентами значения

Вопросы:

Как мы должны интерпретировать наблюдаемые корреляции между различными «мерами» значения слова — как доказательство взаимоотношений между независимо выделяемыми процессами, являющимися частью целого, или как доказательство контаминации измерений, возникающей из-за отсутствия теоретической и методической строгости? Возможно ли установить отдельные модели временного сцепления (chaining) и зависимость между процессами, являющимися частью целого? Верно ли то, например, что отдельные ассоциативные и эмоциональные процессы, вызванные восприятием слова, должны вначале иметь некоторый процесс референции, который выступает промежуточным звеном между восприятием слова и началом ассоциативных и эмоциональных процессов? Если мы будем рассматривать «семантическую анатомию» знаменательных (content) слов подобным образом, то что можно будет сказать о значениях слов на первых, эмбриональных стадиях приобретения языка ребенком?

Резюме

В нечетных моделях взаимозависимости компонентов проявляется, должно быть, целостный характер значения слова. Однако регистрируемые корреляции между различными показателями значения слова чаще это скрывают, чем выявляют. Отсутствие четко выделяемых теоретически границ между компонентами значения способствует смешению измерений. Например, высокая степень соответствий между ассоциативными и эмоциональными значениями при более пристальном рассмотрении оказывается объяснимой тем фактом, что два ряда оценок затрагивают общие, неэмоциональные и неассоциативные аспекты референции слова.

Однако эта проблема может быть разрешена, если мы постараемся исследовать, как связаны друг с другом компоненты значения, т. е. исследовать так называемую «анатомию» значений слов. Микроанализ выявляет некоторые недвусмысленные (inequivocal) модели временного сцепления: никакие когнитивные репрезентации объ-

ектов, событий или состояний, находящихся в пространственно-временной близости с референтом слова не могут быть «вызваны» (evoked) до тех пор, пока в сознании не был «вызван» с помощью какой-то стратегии референции сам референт. И оценочно аффективный процесс, отражающий отношения к объекту-референту, не может быть приведен в действие каким-либо другим способом. Таким образом, результат (выход — output) начального репрезентационного процесса служит началом (входом — input) для ассоциативных и аффективных процессов. Предварительные эксперименты подтверждают существование такой модели зависимости в отношении референции и эмоционального значения.

Слова с автономным эмоциональным значением, такие как, например, magnificent ‘великолепный’ и bad ‘плохой’ не имеют такого сцепления. Они имеют более простую анатомию — прямую связь между словесной формой и эмоциональным значением — без стратегии референции как необходимого промежуточного звена. Кроме того, такие слова, как *crime* ‘преступление’, *democracy* ‘демократия’ и *freedom* ‘свобода’, могут иметь первичной либо референтную, либо эмоциональную функции в зависимости от характера коммуникативного окружения, в которое они входят. Аффективно сигнализирующая функция этих слов может быть усвоена раньше, чем функция референции. Следует сказать, что для ранних стадий усвоения языка характерно слияние тех значений слова, которые позднее станут самостоятельными значениями.

Слияние референции слова и ассоциативной сети отражается на линейных составных комплексах (chain complexes); слияние общих реакций на объекты и эмбриональной референции слов отражается в недостаточной дифференциации эмоционально синонимичных слов, имеющих различные референтные функции. Эксперименты по наименованию и сортировке слов детьми различных возрастов подтверждают прогрессирование дифференциации: эмбриональные репрезентационные, ассоциативные и аффективные процессы, слитые в глобальных моделях, развиваются в значения, имеющие специфические «анатомии» и семиотические функции.

2.6. Модели значения слова в языковых контекстах

Вопросы:

Что происходит с нашими гипотетическими компонентами-значениями (или процессами, являющимися частью целого), когда мы начинаем исследовать не изолированное слово-стимул в психологической лаборатории, а слово в его естественной «среде» (*habitat*), т. е. в высказывании?

Какова судьба, например, далеких (*remote*) ассоциативных и эмоциональных процессов при временных ограничениях, накладываемых на процесс полного понимания (*comprehension*) слова необходимостью воспринимать предшествующие и последующие слова?

Какие проактивные и ретроактивные селективные механизмы включаются в работу, когда только ограниченный ряд потенциальных возможностей значения слова активизируется в определенных контекстах?

Резюме

Микроанализ значений слова выявляет модели процессов в тех условиях, когда испытуемый оперирует изолированным словом, применяя многочисленные стратегии референции, используя связанные со словом ассоциации и сопутствующие им модели эмоциональных реакций.

Какая из этих потенциальных возможностей значения будет актуализоваться, когда слово оказывается в специфических языковых контекстах, зависит от временного сцепления компонентов значения. Чисто временные ограничения при оперировании словом (при прочих равных условиях) накладывают запрет на отдаленные ассоциативные и зависимые эмоциональные потенциальные возможности. Можно сказать, что компоненты значения входят в общий код: следовательно, как правило, выделяются сердцевинные или основные потенциальные возможности (*core potentialities*), в то время как периферийные не активизируются вообще. Следовательно то, что приводится в действие в ограниченный промежуток времени, будет в большой степени зависеть от «анатомии» слова.

Кроме того, мы сталкиваемся с проактивными и ретроактивными модификациями значения. Оперирование предшествующими словесными формами на каждом этапе оказывает влияние на внутреннее семантическое состояние таким образом, что в действие приводятся только отдельные референциальные, ассоциативные и эмоциональные потенциальные возможности следующего слова. В зависимости от того, появляется ли слово *вода* в поэме о жажде или в учебнике по химии, актуализируются различные области референции и ассоциаций. Ассоциативно связанные значения и чувства «мужественности» (*masculinity*) могут составить доминирующий компонент слова *человек* (*man*), когда в предыдущей речи уже имелась достаточная информация о принадлежности к мужскому полу. Подобные этим селективные механизмы действуют также и в ретроактивных модификациях. Мы имеем в виду примеры, когда окончательная семантическая атрибуция должна быть отложена до тех пор, пока последующая речь не позволит слушающему разрешить возникшую двусмысленность.

Таким образом, дискретность и временная сегментация словесных форм приходят в несоответствие с оперированием значениями слов, когда слова включены в высказывания. Для того чтобы получить некоторые представления о передаче сообщения, мы должны расширить область наших исследований и рассматривать не значения слова, включенного в высказывание, а высказывания, включенные в коммуникативные окружения (*communication settings*).

часть IV

ПРЕДИКАЦИЯ: ИССЛЕДОВАНИЕ СООБЩЕНИЙ, ОПОСРЕДОВАННЫХ ЯЗЫКОМ

1. Значение слова и неязыковые факторы в передаче сообщения

Вопросы:

Каким образом в вербально опосредованное сообщение вводится общее для говорящего и слушающего когнитивное поле?

Как экстралингвистическое окружение «снимает двусмысленность» слов?

Оказывают ли влияние экологические признаки окружения на синтаксические характеристики речи?

Резюме

Предпосылкой для успешной вербальной коммуникации во многих случаях является тонкая модель установления связи между высказыванием и специфическими неязыковыми факторами. Отдельные слова и группы слов служат прежде всего для введения общего для говорящего и слушающего когнитивного поля в сообщении. Дейктические слова, такие как *он*, и идентифицирующие десигнаты группы слов, такие как *кафетерий*, имеют во многих случаях именно такие функции в передаче сообщения³.

Кроме того, не входящие в сообщение элементы и словесные значения могут в отдельных случаях объединяться как тема (*topic*) и комментарий к ней (*comment*). Такие случаи квазипредикации предполагают схождение в одной точке внимания говорящего и слушающего и/или намерений во время акта речи. В этом случае значения слов входят в общие для говорящего и слушающего десигнативные поля, основные признаки которых содержатся в непосредственной обстановке и/или предшествующей вербальной коммуникации. Схождение в одной точке и дополнительность коммуникативных намерений ограничивают область референции определенных десигнатов таким образом, что в действие приводится только часть сложной стратегии референции, т. е. только те потенциальные возможности значения, которые соответствуют структуре ситуации. Следовательно то, какие потенциальные возможности значения будут действовать и каков будет вклад слов в передачу сообщения, частично зависит от определенных экстралингвистических факторов.

³ Имеется в виду пример простого высказывания: *я стучусь в дверь Билла, никто не отвечает. Фред, который видит, что я стою перед дверью Билла, говорит: «Он в кафетерии».*—Автор рассматривает далее лингвистические предпосылки для успешной коммуникации. См. стр. 185—186 (*прим. перев.*).

2. Различные психологические подходы к исследованию синтаксических процессов

2.1. Комбинации слов, обуславливание и временные модификации значений слов

Вопросы:

Какие модели процесса понимания предложений вытекают из психологической теории научения?

Какой теории значения слова придерживаются психологи, рассматривающие предложение как способ обуславливания?

Какие возникают проблемы, если мы рассматриваем процесс понимания предложений как временную модификацию значения некоторого «главного слова» (topic word)?

В какой степени можно предсказать вклад в предложение комбинаций слов (word combinations) на основе компонентов значений, входящих в них слов?

Резюме

Некоторые психологи рассматривают предложение как один из способов обуславливания. Они считают, что реакция-значение одного из главных составляющих предложения («предиката» или «комментария» — comment) соединяется по механизму условного рефлекса или временно ассоциируется с внутренней рецепторной стимуляцией, вызываемой другим основным составляющим (подлежащим или темой). В таком случае понимание предложения рассматривается как временная модификация значения главного слова (слова-темы) ⁴.

Парадигма обуславливания поднимает ряд проблем. Чисто лингвистическое различие глагольной фразы (verb phrase) и фразы существительного (noun phrase)

⁴ Одним из главных сторонников этой теории является О. Майер. См., например: O. H. Mowrer. The Psychologist looks at language. «American Psychologist», 1954, № 9. Детальный разбор и критику этой концепции дал Ч. Осгуд. См.: Ch. E. Osgood. On understanding and creating sentences. «American Psychologist», 1963, № 18. Обе статьи перепечатаны в «Readings in the psychology of language». Prentice—Hall, 1967 (прим. перев.).

se) не находится в прямом соотношении с общим семиотическим различием новых или предполагаемых (presupposed) и уже известных элементов в передаче сообщения. Следовательно, в каждом отдельном случае очень трудно решить, какие элементы относятся к области безусловного и какие — к области обусловленного. Кроме того, результат восприятия сообщения в большой степени определяется связью между высказыванием и его экстралингвистическим окружением и, следовательно, является гораздо более сложным образованием, чем обусловливание или временная модификация значения слова.

Парадигма обусловливания и ее модификации основаны на теории аффективных реакций значения. Экспериментальное изучение вербальной коммуникации, направленной на формирование убеждений (persuasive verbal communication) показывает, что в определенных условиях эмоциональные значения слова объединяются на основе принципа конгруэнтности⁵. Этот механизм может играть важную роль в формировании отношений (attitudes) и эмоциональном социальном воздействии. Однако эмоциональное значение слова является обычно периферийным компонентом значения и играет не первую роль, когда высказывания передают информацию об отдельных событиях.

⁵ Принцип конгруэнтности был сформулирован Ч. Осгудом и П. Танненбаумом: Ch. E. Osgood, and P. Tannenbaum. The principles of congruity in the prediction of attitude change. «Psychological Review», 1955, № 62, стр. 42—45.— Он заключается в том, что сдвиги в оценках испытуемыми двух объектов, связанных в утверждении, всегда стремятся к выравниванию степеней их поляризации. В эксперименте испытуемому предъявляется, например, предложение: *Labor leaders propose legalized gambling*. После предъявления предложения по методике семантического дифференциала оцениваются отдельно группы *labor leaders* и *legalized gambling*. Результаты эксперимента показывают, что группа слов *labor leaders*, оценивавшаяся до предъявления в предложении как аффективно-нейтральная, после образования ассоциативной связи с отрицательным понятием *legalized gambling* начинает оцениваться испытуемыми отрицательно (прим. перев.).

2.2. Абстрактные синтаксические структуры и их возможные (потенциальные) психологические проявления

Вопросы:

Какие психологические эксперименты можно проводить на основании новой структурной лингвистики, разработанной Н. Хомским?

Возможно ли рассматривать так называемые глубокие структуры предложений как познавательные событийные структуры (cognized event structures), а не абстрактные лингвистические структуры?

Приводит ли установка на заучивание и запоминание не связанных друг с другом предложений в лабораторных условиях к механическому заучиванию?

Не открываем ли мы в этом случае законы оперирования языком, имеющие отношение только к лабораторным условиям, а не к высказываниям в «естественных» условиях коммуникации?

Резюме.

Синтаксические правила порождающей грамматики отражают знание языка (linguistic competence) идеальным говорящим — слушающим. Ряд психолингвистических работ был посвящен исследованию проявлений этих правил при действительном оперировании языком (actual performance) в разнообразных условиях. Например, эксперименты по выбору предложений из списка проводились с явной целью исследовать синтаксические трансформации, а эксперименты по заучиванию предложений и сохранению их в памяти ставили целью подтверждение гипотезы перекодирования. Последняя гласит, что синтаксически сложное предложение декодируется испытуемым в ядерное предложение (активное повествовательное) плюс запись «синтаксических преобразований». В других работах исследовались включения предложений в предложения. Особые трудности оперирования этими предложениями заключаются не в ограничениях, накладываемых кратковременной памятью, а самопрерывании (self — interruption) в процессе оперирования.

Психолингвистические исследования глубинной синтаксической структуры имеют дело с содержательной

стороной высказываний, которую трансформационная грамматика пытается объяснить с помощью гипотетических семантико-синтаксических структур, участвующих в процессе порождения высказываний. Однако оказывается, что различия в отношении глубинной структуры всегда отражаются в словесных значениях и более определено — в референции слова и связанных с ней синтагматических ассоциативных потенциальных возможностях.

Следовательно, поиски психологических проявлений лингвистических синтаксических структур оказались малоубедительными. Была предложена новая лингвистическая интерпретация трансформаций. Общей чертой почти всех экспериментальных исследований является то, что в таких экспериментах у испытуемого формируется особая экспериментальная установка⁶: высказывание лишается своей основной функции передачи сообщения и рассматривается само по себе. Это означает, что формальным аспектом высказывания уделяется гораздо больше внимания, чем это необходимо для понимания его содержания в обычных условиях. Следовательно, экспериментальные доказательства наличия трансформационных «шагов» (footnotes) в большей степени могут быть отнесены за счет особых условий эксперимента. Кроме того, психологические аспекты так называемых глубинных синтаксических структур, как, например, центральное место элемента деятеля (agent element), в запоминании высказывания становятся гораздо более понятными, если исследовать, как значения слова связаны с событийной структурой (event structure), закодированной в сообщении. Следовательно, поиски глубинных лингвистических структур на основе синтаксических форм являются малоперспективными для психолингвистических исследований.

⁶ Имеется в виду тот факт, что в лабораторных условиях высказывание не выступает для испытуемого в его обычном окружении и не имеет для испытуемого почти никакой значимости. Следовательно, испытуемый полностью обращает свое внимание на форму и порядок слов в предложении. Тем более, что именно этого и требует от него экспериментатор, который н а у ч а е т испытуемого определенным операциям (*прим. перев.*).

2.3. Исследование состояний (stations) и операций кодирования

Вопросы:

Что нам известно о стратегически важных точках принятия решений (decision — making) на временной оси высказывания?

Возможно ли установить моменты (состояния) кодирования, в которых говорящий предварительно интегрирует некоторый сегмент, который он собирается сказать, и особые моменты, в которых слушающий может решить, что было сказано?

Если это возможно, то как эти моменты кодирования соотносятся с вневременной структурой непосредственно составляющих высказывания?

Резюме

Можно понимать глубинные синтаксические структуры трансформационной грамматики как начальные когнитивные входы (initial cognitive inputs) в процессах порождения предложений и как конечные выходы (final outputs) в процессе восприятия предложений. Однако, исследования по научению и воспроизведению предложений указывают на существование промежуточных моментов кодирования на временной оси. Простые прогрессивные (right-branching—ветвящиеся вправо) высказывания таковы, что говорящий имеет возможность оперировать одной или двумя единицами на каждой стадии. В данном случае слушающий применяет коммулятивную стратегию декодирования. Регрессивные (left-branching — ветвящиеся влево) предложения, например, *People were far more lonely there* требуют предварительного интегрирования длинных сегментов со стороны говорящего и ретроактивного декодирования их — со стороны слушающего. Интерпретация в таком случае может идти «скачками» (от «were» к «there» или «lonely» в вышеприведенном примере).

В экспериментах по механическому заучиванию предложений регистрируются транзитивные вероятности ошибок между последовательными словами. Это применяется в микроанализе операций кодирования. Результаты показывают, что связи устанавливаются скорее между шагами кодирования (coding steps), чем между сло-

вами как таковыми. Таким образом, сложность структуры может изучаться не только при помощи чисто лингвистического анализа ядерных форм и трансформаций, но и при использовании обязательств кодирования и ограничений кратковременной памяти говорящего на каждой последовательной стадии порождения предложения. Однако мы должны иметь в виду, что к представлению о процессе кодирования, которое мы получаем в результате подобных исследований, применимы все общие оговорки, характерные для этих двух гипотез (например, вопрос о синтаксических «шагах» в исследованиях трансформаций): обе модели были получены в результате экспериментальных исследований, в которых высказывание изучалось само по себе, лишенное своей семиотической роли как средства (tool) в передаче сообщения.

2.4. Попытка интеграции различных подходов

Вопросы:

Возможно ли рассматривать модели иерархической структуры предложений и последовательных ограничений, накладываемых на речь, как дополнительные? Действуют ли ограничения марковской цепи именно в тех местах иерархической структуры, где мы имеем дело с выбором?

Как мы должны рассматривать случаи ретроактивного снятия двусмысленности элементов сообщения?

Как можем мы объяснить дистинктивно различные интерпретации двух высказываний, которые являются идентичными как фонетически, так и в отношении поверхностной синтаксической структуры? Как рассматривать процесс объединения слов, выходящих за границы непосредственно составляющих?

Резюме

Различные психолингвистические подходы к порождению и восприятию предложений, о которых мы рассказали, основываются на различных источниках, таких как теории обусловливания и аффективного значения слова, лингвистические теории структуры предложения и моделирования речи для компьютеров. Мы постара-

лись доказать, что модели грамматической структуры предложений и модели последовательных ограничений, накладываемых на речь, комплементарны: последовательные ограничения в марковских цепях действуют в тех местах иерархической синтаксической структуры, где мы имеем дело с выбором. Следовательно, они могут определять выбор между активным и пассивным залогом, между синонимичными словами и группами слов и т. д. со стороны говорящего; эти ограничения могут определять выбор слушающим среди различных значений полисемичной или омонимичной словесной формы.

Однако такая интеграция грамматического и марковского подходов не может объяснить ретроактивное снятие двусмысленности значения слова в процессе восприятия предложения. Более того, ни грамматический подход, ни подход с точки зрения строго последовательных ограничений, ни объединение обоих подходов не могут объяснить тот факт, что два идентичных высказывания могут передавать совершенно различные предложения. Например, высказывание *We worked for a full hour* может передавать сообщение, касающееся продолжительности труда, или сообщение, касающееся проявления действий этого человека. Какое из этих сообщений будет выбрано, зависит от подбора слушающими тех потенциальных возможностей значения слова, которые соответствуют его временному когнитивному состоянию. Экстралингвистические факторы или последующая речь могут, например, снять двусмысленность с группы *a full hour*, т. е. слушающий поймет, что эта группа обозначает «дело». Это, в свою очередь, вызовет к жизни цепную реакцию, в которой незакодированные и частично декодированные словесные формы приведут в движение особые потенциальные возможности значения и будут объединены определенным (недвусмысленным) образом: *a full hour* в качестве «дела» вызовет актуализацию потенциальной возможности «рго» («за») в слове *for*, а *for* станет в силу этого частью словесной группы *worked for* и т. д.⁷

⁷ В данном предложении возможны два деления. Ср.

1) *We worked*|*for a full hour*

2) *We worked for*|*a full hour*

Первое означает: 'Он работал в течение часа', второе (дословно) 'Он работал за полный час'. Во втором случае *worked* = *promoted, advocated, supported* (прим. перев.).

Следовательно, психолингвистический подход к процессам интерпретации должен также рассматривать объединения слов как внутри посредственно составляющих предложений, так и объединения над ними. Для соответствующего семантического группирования необходимы чисто синтаксические ограничения на порядок слов и словесные комбинации. Однако, изучение событийной структуры передаваемого сообщения требует исследования того, какие потенциальные возможности значения слова были актуализированы и какие словесные группы были установлены в процессе понимания предложения.

3. Изучение детской грамматики

Вопросы:

Какие наиболее общие характеристики раннего детского языка выделяет большинство исследователей и как мы должны интерпретировать эти факты? Является ли приобретение (acquisition) синтаксического знания (competence) прежде всего процессом перцептивно-моторного научения или мы должны рассматривать его как эволюцию генетически детерминированных синтаксических навыков skills)?

Каково взаимоотношение между приобретением ребенком значений слов и его способностью порождать и понимать предложения?

Резюме

Первые языковые вокализации ребенка можно считать эмбриональными семантико-синтаксическими сущностями, из которых путем сложного процесса дифференциации развиваются как слова, так и предложения. Последующие двух- или трехсловные высказывания ребенка всегда тесно связаны с непосредственным окружением. Они состоят в основном из десигнатов и являются отражением такого порядка слов «полных предложений» взрослого, когда пропущены соединительные слова.

Приобретение синтаксических навыков может рассматриваться как процесс перцептивно-моторного научения: ребенок усваивает соответствующие позиции слов или их преимущественную встречаемость в контекстах предложений взрослых, в чем ему немалую помощь ока-

зывают сопровождающие предложение интонация и ударение. С другой стороны, психолингвисты, изучающие психологические проявления синтаксического знания (competence), указывают на факты, свидетельствующие о научении правилам и эволюции взаимосвязанных (и возможно, генетически детерминированных) синтаксических навыков. Тот факт, что научение происходит по правилам, отражается в так называемых хороших грамматических ошибках, таких как *digged* и *sheeps*. Кроме того, «слова», которые на одной стадии функционируют как эмбриональные словесные фразы, разделяются на последовательно все более дифференцированные классы слов.

Словесные группы, имеющие важные и недвусмысленные семиотические функции (например, *can't* и *don't*), выступают как целостные сегменты в раннем детском языке. Экспериментальные исследования показывают, что сцепления (cohesions) словесных групп на ранних стадиях овладения языком являются отражением целостных перцептуальных (акустико-артикуляторных единиц) целостных в отношении семантики. Таким образом, значения слова и синтаксические навыки оказываются тесно связанными; высказывание становится предложением по мере того, как его сегменты деконтекстуализируются и приобретают статус слов со специфическими функциями референции и синтагматическими потенциальными возможностями.

4. Психологические исследования семантических и прагматических аспектов высказывания

4.1. Значения слова, передача сообщений и социальное влияние

Вопросы:

Каким образом особые экстралингвистические условия коммуникации и/или вербальные контексты высказываний детерминируют выбор одной из многих потенциальных возможностей значения в каждом данном случае? Что происходит, когда говорящий и слушающий оперируют различными потенциальными возможностями значения?

Как влияют на эффективность коммуникации, например, расхождения между говорящим и слушаю-

щим в отношении таких аспектов референции слова, как направление и глубина интенсивности (direction and depth of intension)?

Каким образом мы можем на основании психолингвистической теории объяснить многочисленные наблюдения особой роли глагола в исследованиях по передаче вербальных сообщений и модификации воззрений (beliefs) испытуемых?

Отражает ли оперирование языком (language processing), т. е. (понимание, хранение в памяти, воспроизведение) различные характеристики в зависимости от характера (лингвистического и неллингвистического) контекста высказывания?

Резюме

Изучение изолированных слов ставит целью очертить основные (диспозиционные — dispositional) свойства слова, т. е. потенциальные возможности референции слова, ассоциаций и эмоционального значения. Какие именно процессы будут активизироваться в каждом определенном контексте, зависит от «анатомии» слова, его непосредственного языкового контекста и от определенного экстралингвистического окружения, в котором употребляется все высказывание. Кроме того, в процессах кодирования и декодирования могут действовать различные потенциальные возможности, так как ни один говорящий—слушающий не может овладеть каждой потенциальной возможностью каждого слова, принадлежащего его речевому коллективу. Следовательно, в том случае, когда действительные связи между высказыванием и экстралингвистической ситуацией коммуникации достаточно слабы, тогда могут иметь место расхождения между посылаемыми и получаемыми сообщениями.

Такие расхождения могут принять форму вербального псевдосоглашения и псевдоразногласия: различия в процессе референции слова, такие как различия в направленности намерений, могут заставить говорящего и слушающего считать, что они разделяют общее мнение относительно событий, о которых идет речь в высказывании, в то время как на самом деле они расходятся во мнениях; различия же могут скрывать фактическое согласие. Именно такие случаи чаще всего происходят

со словами и фразами, которые связаны с идеологической полемикой. Кроме того, десигнаты личных атрибутов оказываются приписанными к идиосинкразическим и очень неустойчивым стратегиям референции и такие особые имена (*names*) служат как для выражения эмоционального воздействия и выражения отношений, так и для цели референции. В конечном итоге максимальное количество передаваемой в высказывании информации о сложных событиях внешнего мира частично зависит от глубины намерений как со стороны говорящего, так и со стороны слушающего.

Влияние вербально опосредованных сообщений на воззрения (*beliefs*) реципиента изучалось экспериментально. Воззрения всегда оказываются включенными в структуры связанных друг с другом воззрений. Принятие такого сообщения, как, например, *профессора покупают сюрреалистические полотна* 'Professors buy surrealist paintings' может подкрепить более общее воззрение, что *Professors buy modern art* 'профессора покупают современные полотна'. Однако эксперименты по формированию индуктивных и дедуктивных умозаключений выявили систематическую и очень интересную «особую роль глагола». Сообщение относительно покупки сюрреалистических полотен оказывает влияние на воззрение о покупке современных полотен, в то время как сообщений относительно ненависти к сюрреалистическим полотнам оказывает сравнительно слабое влияние на общее воззрение, касающееся ненависти к современному искусству.

Однако у нас нет никаких оснований, чтобы считать, что в контекстах *buy* 'покупать' и *hate* 'ненавидеть' будут действовать одинаковые потенциальные возможности фразы *modern art* 'современное искусство'. Такие фразы, как *buy modern art* и *sell modern art* могут последовательно приводить в действие те компоненты низшего порядка в общей стратегии референции, по которым вызываются (*evoked*) ассоциации, касающиеся конкретных случаев. С другой стороны, такие группы, как *hate modern art* и *admire modern art* могут вызывать прежде всего компоненты высшего порядка, касающиеся познания абстрактных атрибутов современного искусства. Таким образом, наблюдения об особой роли, которую играет в данных случаях глагол, свидетельствуют о наличии более общего механизма кон-

текстуально-детерминированной активации потенциальных возможностей значения слова и фразы.

Кроме того, оказывается, что на уровень оперирования языком (level of language processing) оказывают влияние и такие экстралингвистические факторы, как наличие или отсутствие коммуникативного контекста: то, что получается, хранится в памяти и воспроизводится в экспериментальных ситуациях, напомиающих естественные условия коммуникации, оказывается элементами высшего порядка сообщения, а не отдельными словесными формами. С другой стороны, когда высказывание рассматривается само по себе, то эксперименты выявляют зависимость этих процессов (т. е. получения, хранения в памяти и воспроизведения) от выразительных средств низшего порядка.

4.2. Языковая форма и эффективность передачи сообщения

Вопросы:

Какие психолнгвистические проблемы возникают в связи с возможностью произвольного порядка слов в данном языке

Возможно ли, что выбор того или иного порядка связан, например, с противопоставлением элементов первого и второго планов в сообщении?

Что добавляют к информации, передаваемой цепочкой слов как таковой, чисто просодические (или супraseгментные) признаки речи?

Как происходит установление референции фразы по отношению к новым объектам?

Какие существуют отношения между синтаксической организацией высказывания и мнемонической организацией сообщения, передаваемого этим высказыванием?

Каковы условия и результаты того или иного выбора (например, выбор залога — активного или пассивного) в отношении порождения всего высказывания в английском языке?

Порядок слов в предложении может быть связан с порядком значимости передаваемых в сообщении элементов. Именно такие общие прагматические приемы должны рассматриваться при изучении формирования впечатлений (*impression formation*). В экспериментах, когда впечатление о человеке опосредовалось последовательностью прилагательных, обозначающих качества человека, были получены результаты, доказывающие значимость первой позиции для общей оценки данного слова.

Влияние первой позиции на процесс дальнейшего восприятия предложения может быть результатом подразумеваемого прагматического предположения в условиях, позволяющих кумулятивное оперирование информацией. Кроме того, дополнительную информацию содержат также супraseгментные признаки паузы и интонации. Так, например, высказывание *I visited Mary and John yesterday* будет содержать информацию об одном или двух визитах в зависимости от того, как произносится сегмент *Mary and John*.

В целом ряде экспериментов исследуется вопрос о том, как происходит установление референции фразы, когда люди говорят о новых и незнакомых им объектах. В таких исследованиях наиболее часто наблюдается процесс ассимиляции: выполняющие коммуникативное задание часто стараются отнести незнакомый объект к категории знакомых им объектов и событий; слова, служащие для описания этих знакомых объектов, применяются в таком случае для описания новых объектов. Найдя подходящее описание (т. е. референтную фразу), испытуемые быстро сокращают ее. Детям не удается выполнить задания подобного рода — это может быть результатом того, что дети не могут «принять» отношения другого человека и оптимально использовать то общее, что имеется у них в области денотации.

Языковая форма может также оказывать влияние на процессы хранения в памяти и воспроизведения опосредованной языком информации. Например, сохранение в памяти (*retention*) таких атрибутов данной кривой линии, как «влево» и «опускание» явно зависит от того, была ли данная кривая описана как *a leftward jaggedly descending broken curve* или как *a jagged broken curve descending leftward*. Этот факт был отмечен в

исследованиях по передаче сообщения и его воспроизведению. Эти исследования показывают, что при определенных условиях более связанные структуры образуются в том случае, когда прилагательные стоят перед существительным и связаны с существительным атрибуцией. Разброс прилагательных так, что одни прилагательные стоят перед существительным, а другие — после него, приводит к остановкам на временной оси высказывания и в конечном итоге, — к образованию определенных подструктур в организации сложного целого.

И, наконец, выбор активного или пассивного залога в английском языке является приемом, при помощи которого отдельные элементы сложных событий могут быть выделены на первый план, отнесены на последний план или даже не включены в передачу сообщения. Незнание лица, совершающего действие, например, может часто предписывать выбор формы пассивного предложения. В другой обстановке коммуникации выбор того или иного залога может свидетельствовать о том, какой из двух компонентов события имеет большую значимость для говорящего. Следовательно, на тот или иной выбор залога говорящим (выдвижение на первый план субъекта или объекта действия) оказывают влияние экстралингвистические параметры ситуации общения.

*Перевела с английского
Т. Н. Наумова*

Я. ЯНОУШЕК

**СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
ПРОБЛЕМЫ ДИАЛОГА
В ПРОЦЕССЕ СОТРУДНИЧЕСТВА
МЕЖДУ ЛЮДЬМИ ***

Диалог есть специфическая форма социального контакта, основанная на передаче информации путем социального поведения и социальных связей между людьми. Существуют внутренние связи между диалогом и взаимным влиянием людей друг на друга, т. е. социальным взаимодействием. Диалог, с одной стороны, представляет собой необходимое звено в развитии социальных связей и может рассматриваться, с другой стороны, в качестве относительно независимого коммуникативного взаимодействия. Осуществление любой коммуникации всегда имеет своим следствием некоторое взаимное влияние на мысли и позиции людей, вступающих в коммуникацию.

Каждый диалог, даже простейший, является некоторым образом опосредованным. Существует три основных типа такой опосредованности: диалог может быть опосредован языком или какой-либо иной системой знаков, социальными моментами (структура общества и роль индивида в нем; социальные нормы и т. д.), а также специфической соотнесенностью между целью и средствами ее достижения; в этом последнем случае диалог носит характер орудия. Изучение опосредованности вышеуказанных типов позволяет раскрыть внутреннюю связь между коммуникацией и социальным взаимодействием в обществе. Пока мы рассматриваем вопрос о том, что опосредует значимость, выраженная некоторым знаком, мы находимся в пределах изучения взаимодействия. Рассматривая вопрос о том, какая значимость опосредована некоторой информацией, мы ведем исследова-

* J. Janoušek. Social Psychological Problems of Dialogue in Cooperation (ротапринт).

дование в области коммуникации (ср. Janoušek., 1968, гл. 1).

Значимость некоторого сообщения может быть определена, как то, что говорящий желает дать понять этим сообщением слушающему. Таким образом, значимость распадается на объективное содержание и интенциональный момент. Для дальнейшего рассмотрения структуры значимости является существенным логическое различие смысла (Sinn) и денотата (Bedeutung, значения). Различие смысла связано прежде всего с объективными моментами. Соотнесенность смысла и денотата носит асимметрический характер: из смысла коммуникации можно вывести ее денотат, если таковой имеется, но из денотата нельзя непосредственно вывести смысл. Смысл может быть выведен только из сравнения денотата с действиями субъекта, осуществляющего коммуникацию. Таким образом, различие между смыслом и денотатом переносится в психологический план. Итак, значимость распадается на следующие компоненты: 1) интенция действующего лица; 2) смысл сообщения для действующего лица; 3) объективное содержание сообщения; 4) смысл сообщения для реципиента и 5) воздействие на реципиента. При таком подходе к значимости ее смысловой компонент оказывается промежуточным звеном между интенцией и объективным содержанием или соответственно между объективным содержанием и воздействием сообщения.

Таким образом, диалог развивается по крайней мере по двум линиям значимости: во-первых, по линии объективного содержания (то, о чем говорится) и, во-вторых, интерпретации данного факта действительности лицами, вступающими в коммуникацию. Необходимым компонентом такой интерпретации как для инициатора коммуникации, так и для реципиента является некоторая предварительная идея, ожидание некоторого поведения со стороны партнера.

С этой точки зрения диалог является необходимым условием сотрудничества между людьми. Как при развитии диалога, так и при осуществлении сотрудничества между людьми непременно наличествует ожидание некоторого поведения со стороны партнера. Теперь сравним две противоположные концепции коммуникативных процессов с вышеизложенных позиций.

Согласно концепции символического взаимодействия,

горячим сторонником которой является Дж. Г. Мид, первичным является коллективный социальный акт, включающий в себя сотрудничество и взаимодействие довольно большого числа индивидов. Активность индивида представляет собою лишь фрагмент такого социального акта. Именно поэтому коллективное осуществление социального акта непременно требует коммуникации между его участниками. С другой стороны, коммуникация может иметь место только там и в то время, где и когда осуществляются некоторые коллективные действия. Для такой коммуникации непременно должны существовать общие значения. Индивид должен быть в состоянии не только интерпретировать значение звукового жеста своего партнера, но и значение своего собственного звукового жеста. Таким образом, индивид должен иметь возможность вызвать имплицитно в себе самом ответ, который его жест эксплицитно вызывает в его партнере, а затем скоординировать свое поведение с ответом партнера. Звуковые жесты становятся значимыми символами, а значение становится осознанным, будучи идентифицировано с ними.

Дж. Мид различает две стадии в развитии личности: в первый период ребенок усваивает одну роль за другой по мере того, как другие люди появляются в его жизни. Второй период характеризуется тем, что привычка усваивать ту или иную роль генерализуется. Человек готов усваивать роль любого лица, принимающего участие в общей деятельности.

Мид вводит понятие позиции, или роли, «обобщенного другого лица». Это понятие представляется полезным для исследований социального взаимодействия между людьми. Не приходится отрицать, что усвоение и принятие на себя роли того или иного «другого лица», наблюдаемое в детских играх определенного типа, представляет собою необходимую фазу развития личности. Одновременно отношение к другим людям приобретает некоторый общий характер в том смысле, что образ другого человека становится существенным корректирующим элементом в интерперсональном поведении человека. Чем больше способность человека рассматривать свое собственное поведение в некоторой социальной ситуации не только со своей собственной точки зрения, но и с точки зрения других людей, тем успешнее осуществляется интеграция данной личности в рамках со-

циальной структуры в целом, тем эффективнее оказывается социальное воздействие.

Однако не представляется возможным осуществить удовлетворительный анализ личности и ее участия в некоторой социальной ситуации только на основе понятия усвоения человеком роли «обобщенного другого лица». Момент адаптации по отношению к другим, несомненно, является одним из факторов, определяющих активность субъекта, но свести всю активность человека к адаптации и принятию на себя ролей других лиц значило бы по существу вообще отрицать такую активность.

Дж. Мид пытается избежать таких крайних суждений. Согласно его теории, личность включает в себя два компонента. Первый компонент состоит из всех усвоенных человеком позиций и ролей других лиц независимо от того, имеют ли они конкретную или обобщенную форму. Этот адаптирующийся компонент Мид называет *Me* «Я»; второй компонент носит творческий характер и именуется *I* «Я»¹. *I* «Я» является ответом организма на позицию других людей; этот ответ возникает в тот момент, когда человек вырабатывает свое отношение к другим людям. С точки зрения опыта каждого данного человека усваиваемая им позиция представляется адаптацией; однако его ответ включает в себя и некоторый другой элемент. По утверждению Мида, *I* «Я» дает чувство свободы, инициативы и создает значение, согласно которому не только общество создает личность, но и личность является элементом, конституирующим общество.

Тем не менее проблема личности не решена Мидом. Компоненты *I* «Я» и *Me* «Я» остаются изолированными друг от друга. Социальная детерминация личности сводится к адаптации, усвоению той или иной роли. Творческий характер компонента *I* «Я» остается неопределенным и импульсивным, и значение этого компонента может стать нам понятным только при обращении к прошлому, путем воспоминания. Идея будущего дей-

¹ Система местоименных форм английского языка позволяет различать и противопоставлять при определенных условиях формы личного местоимения *I* лица единственного числа *I* и *me*, которым соответствует одно русское местоимение «я». Таким образом, отразить противопоставление в переводе не представляется возможным (*прим. перев.*).

ствия, по мнению Мида, никогда не станет частью нашего опыта, пока действие не будет реализовано. Социальное творчество, по Миду, не предполагает ожидания будущего; однако этот последний момент представляется необходимым для личности и ее социальной активности. Активность личности, без сомнения, сознательна в отношении адаптированных значений «обобщенных других лиц», но в отношении к будущему эта активность остается импульсивной даже в высокоразвитых процессах коммуникации.

Другой тип социального взаимодействия рассматривается в экзистенциалистской концепции коммуникации. Эта концепция подробно излагается К. Ясперсом. Между концепциями Мида и Ясперса существует принципиальное различие. С точки зрения экзистенциализма коммуникация представляет собой нечто прямо противоположное взаимодействию. С точки зрения экзистенциализма коммуникация есть установление связей между людьми, причем каждый человек остается самим собой и не желает стать ничем другим, не требуя этого и от других людей. С точки зрения экзистенциализма, коммуникация есть взаимное самовыражение, а не адаптация к некоторому другому лицу; самовыражение, по Ясперсу, имеет одновременно характер борьбы и характер любви, взаимного творчества и солидарности. Таким образом, коммуникация в понимании экзистенциалистов не может быть сведена просто к взаимопониманию. То, что становится доступным общему пониманию участников коммуникации, есть лишь средство для единения в пределах неосязаемого (*ungraspable*). Подлинное понимание так или иначе остается недоступным личности. Коммуникация как единение (*communion*) не может существовать в условиях трезвой реализации действия. Таким образом, для Ясперса самовыражение есть сущность коммуникации, в противоположность Миду, который выдвигает на первый план адаптацию по отношению к другим лицам. Для экзистенциалистов сущность коммуникации есть не взаимопонимание; взаимопонимание — лишь стимул для самовыражения, для преодоления изолированности (*overcoming of closeness*) и тем самым для реализации себя как потенциального существа (*as possible existence*).

Для понимания коммуникации в экзистенциалистском смысле характерно, что другой человек, выступающий в

процессе коммуникации, является некоторым другим человеком, но не «обобщенным другим». Коммуникация такого типа может осуществляться лишь между двумя личностями, которые являются уникальными и не выступают вместо кого-либо или чего-либо другого, но представляют только самих себя и поэтому не могут быть замещены. Только в коммуникации экзистенциалистского типа личность преодолевает изолированность и становится личностью для себя в процессе взаимной творческой активности, осуществляемой в единении двух лиц.

Экзистенциалистская коммуникация всегда существует лишь посредством объективных, т. е. реально имеющих место коммуникаций, она всегда зависит от ролей личности в социальной и психологической реальности. Актуальные социальные и психологические связи порождают ситуации, в которых возможные существования (экзистенции) могли бы встретиться.

С этой точки зрения Ясперс рассматривает некоторые реальные социальные процессы, в особенности некоторые аспекты процессов взаимосвязанного решения (joint decision) и конфронтации. Однако продуктивность социальной деятельности остается, тем не менее, нераскрытой. Если у Мида человек находит самого себя в другом человеке, принимая на себя его роли и становясь на его место, то у Ясперса человек не находит себя ни в себе, ни в другом человеке, хотя и стремится это сделать. Вступая в процесс коммуникации и выходя тем самым за пределы реальных ситуаций, человек уже не находит себя в них. Выходя за пределы самого себя, он еще не находит себя в другом. Реальная конфронтация с ситуацией, а также эффективное самовыражение постоянно представляются возможными, но никогда не осуществляются.

С нашей точки зрения, развитие личности на фоне ее практической деятельности и во взаимодействии с другими людьми, моделирование некоторого концепта самого себя или какая-то степень, или какой-то тип самореализации определяются социальной ролью, которая выражается отношением к другому человеку или к самому себе. Это, однако, не конец, а только начало социального взаимодействия.

Достигнув некоторого реально существующего результата (existing result), личность продолжает разви-

вать социальное взаимодействие посредством однажды принятой на себя роли. Подобным образом рассматривал Л. С. Выготский опосредованность высших функций психической деятельности (см. Выготский Л. С., 1960). Характерной особенностью этих процессов является тот факт, что практическая деятельность в них по сути дела уже не играет роли. Именно в них выявляется типичная опосредованность социального взаимодействия по отношению к практической деятельности через социальную роль. Таким образом, социальное взаимодействие оказывается отделенным от практической деятельности, в которую оно первоначально включалось и от которой оно теперь обособляется, приобретая специфические характеристики.

Функциональные возможности социальной роли заключены в ней как средства развития взаимодействия. Следовательно, социальная роль имеет две функции: функцию установления (*establishing*) и оперативную функцию.

С этой точки зрения мы подвергли анализу роль информанта и роль интервьюера в ситуации, в которой они должны были совместно решить некоторую проблему. Эти роли представляются нам удачно выбранными по той причине, что они отражают некоторый сдвиг по сравнению с обычными ролями говорящего и слушающего в процессе коммуникации (в котором эти роли постоянно меняются) и строго фиксированными коммуникативными ролями во взаимодействии (когда смена ролей оказывается затрудненной), — т. е. ролями учителя и ученика. Мы провели пилотажный эксперимент и в дальнейшем излагаем некоторые его результаты. Испытуемые, разделенные попарно, должны были решить словесно сформулированную логическую задачу. Процедура была разделена на два этапа. На первом этапе испытуемые должны были запомнить существо задачи. Время не было ограничено, но испытуемым было предложено постараться запомнить текст как можно быстрее и точнее, поскольку в дальнейшем они уже не смогут им пользоваться. На втором этапе требовалось решить задачу на основе заученного текста. Партнеры должны были совместно найти правильное решение с максимальной скоростью и точностью (максимальное время, предоставленное для этого, равнялось двадцати минутам) и только уложившись в это время могли по-

лучить хорошую оценку в соревновании с другими парами. Только достигнув договоренности между собою они могли объявить, что решение получено.

Весь процесс общения партнеров между собой записывался на пленку. Здесь мы описываем лишь часть эксперимента, полное описание которого см. Janoušek J., 1969.

Эксперимент проводился в двух вариантах: А) оба партнера получали полный текст для запоминания; Б) один из партнеров получал полный текст для запоминания, а другой имел доступ к тексту только через информацию о нем, которую получал от своего партнера в течение времени, предназначенного для их совместной деятельности.

Было выбрано по двенадцати пар для каждого варианта эксперимента из студентов первого курса педагогического института. Испытуемые были соединены попарно в зависимости от их интеллектуальных возможностей, которые были предварительно выяснены с помощью невербального теста ЮНЕСКО; каждая пара состояла из двух мужчин или из двух женщин из различных учебных групп.

На основе теоретического анализа результатов эксперимента была сформулирована следующая гипотеза: различие в ролях информанта и интервьюера создает более ясно выраженную тенденцию к сотрудничеству, чем это имеет место при равенстве в ролях. Эта гипотеза имеет своим основанием теоретическое положение, согласно которому различие в ролях партнеров стимулирует взаимодействие; вообще говоря, из наблюдений хорошо известно, что передача информации от передающего к получающему и обратно способствует выработке у передающего мотивации (см. Newcomb, T. M. и др., 1965, стр. 196—200). Правда, сама по себе гипотеза предполагает лишь, что при неравенстве ролей возникает большая потребность в сотрудничестве. Мы подвергли гипотезу проверке, сравнив варианты А и Б эксперимента в зависимости от того, сколько времени потребовалось на запоминание и решение задачи. Значимость данных, указывавших на различие, была определена с помощью теста Вилкоксона (Wilcoxon). Значимым для эксперимента оказалось то, что время, необходимое для запоминания, в категории Б было короче, чем в категории А. $T_{A-B} = 8$ при

$N = 12$. По нашему мнению, это позволяет полагать, что партнер, обладающий информацией, обнаруживает более отчетливую тенденцию взять на себя роль информанта по отношению к партнеру, не обладающему информацией, чем по отношению к партнеру, обладающему информацией; это имеет место, несмотря на то, что риск неудачи для обоих в первом случае больше, чем во втором, если обладающий информацией партнер изложит ее неточно. Этот факт можно интерпретировать в смысле старания уменьшить неравенство, поскольку вместе с информацией партнеру передается также часть ответственности за решение общей задачи, тогда как первоначально эта ответственность лежала целиком на том из партнеров, который располагал информацией. Противоречит всем этим соображениям то обстоятельство, что время, необходимое для решения задачи, было значимо короче по категории А по сравнению с категорией Б. $T_{A-B} = 3$ при $N = 10$. На этом основании можно полагать, что в условиях варианта А эксперимента создается возможность более независимых действий для каждого из партнеров и благодаря этому они составляют более эффективную пару.

Специализированное описание диалога, ориентированного на решение некоторой задачи, может иметь своей основой то обстоятельство, что диалог связан с мышлением, а через него и с предполагаемой практической деятельностью, причем мысль постоянно направлена в одну сторону,— по крайней мере, на уровне обычного целенаправленного мышления. Поэтому ход такого диалога имеет гораздо более постоянный характер по сравнению с диалогом, ориентированным на установление взаимоотношений между партнерами; в этом последнем случае направление мысли в ходе диалога изменяется или во всяком случае может изменяться гораздо чаще.

Меньшая вариабельность и отчетливая аранжировка диалога, ориентированного на решение задачи, определяется тем фактом, что установочные компоненты (attitude components), возникающие за счет отношения к партнеру, в этом случае значимо снижаются. Эти компоненты взаимоотношений (attitude components) отчетливее выступают на фоне более однородной тематики диалога, непосредственно создаваемой условиями эксперимента. Мы проанализировали и сравнили диалоги

категорий А и Б, чтобы подвергнуть дальнейшей проверке нашу гипотезу, согласно которой различие в ролях информанта и интервьюера создает более отчетливую тенденцию к сотрудничеству, чем равенство в ролях. Записи на пленку были расшифрованы и диалоги были записаны по следующей схеме.

Пример записи

Поведение исп. А	Высказывание исп. А	Высказывание исп. Б	Поведение исп. Б
Пишет и в то же время говорит. Громким голосом	Теперь нам известны общие условия. Ну, хорошо/ Но из этого ничего не выходит	Если мы примем за исходную точку вот этот момент, мы быстро найдем <u>решение.</u>	Говорит сам с собой

/ Знак паузы в полминуты.

..... Знак того, что во время этой части высказывания одновременно начинает говорить другой партнер.

Запись высказывания в соответствующей колонке начинается строчкой ниже конца предыдущего высказывания в соседней колонке. В случаях, когда высказывания делаются одновременно, запись их в соответствующих колонках располагается на одном уровне.

Мы использовали три процедуры: 1) анализ разброса высказываний на основании числа слов; 2) анализ перехода от этапа реконструкции задачи к этапу самого решения; 3) анализ встречаемости высказываний побудительного характера. Ниже следует описание результатов этих трех процедур.

1) **Разброс высказываний.** Здесь прежде всего возникает вопрос, могут ли краткие высказывания, как, например, отдельные слова, быть рассматриваемы в качестве самостоятельных высказываний, в качестве полноправных элементов речи испытуемого. Мы рассматриваем их как самостоятельные высказывания в тех случаях, когда их можно было интерпретировать как значимые единицы некоторого типа, например, согласие, возражение и т. д. В тех случаях, когда высказывание испытуемого было прервано большой паузой, понижением голоса, реакцией на поведение партнера и т. д., высказывание рассматривалось как два или не-

сколько высказываний. В тех случаях, когда высказывание не прерывалось подобным образом, оно рассматривалось как единое целое. Разумеется, эти моменты играли при анализе чисто внешнюю вспомогательную роль.

Сравнение показало, что в категории А ход диалога характеризуется более равномерным распределением различных по длине высказываний партнеров. В категории Б, напротив, отчетливее выступают различные этапы диалога: после этапа преобладания более длинных высказываний говорящего (дающего разъяснения информанта) и более кратких высказываний слушающего наступает этап выравнивания, а иногда преобладание более длинных высказываний слушающего. Такая смена этапов диалога значимо повторяется в некоторых случаях во время всего диалога, т. е. происходит возврат к этапу более длинных высказываний информанта, за которым вновь наступает этап более длинных высказываний слушающего. Такое смещение центра диалога подтверждает в соответствии с предлагаемой гипотезой тот факт, что дифференциация ролей усиливает тенденцию к их выравниванию.

2) Переход от реконструкции задачи к ее решению. В обеих категориях мы наблюдали переход от одного этапа решения задачи к другому: в категории А это был переход от повторения задачи, известной обоим партнерам, к ее решению; в категории Б это был переход от разъяснения одним партнером другому смысла задачи к ее решению. Этот переход весьма ясно осуществляется в категории Б, где слушающий (получатель информации) прямо или косвенно сообщает о том, что ему известно содержание задачи. В категории А этот переход менее заметен, сначала оба партнера заняты совместным повторением задачи, затем они оба постепенно переходят к совместному ее решению. Для категории Б типично, что после того, как информант разъяснил своему партнеру задачу, переход к следующему этапу в большинстве случаев отмечен активностью этого другого партнера: получатель информации в этот момент проявляет большую инициативу, задает вопросы, делает предложения и т. д. В большинстве случаев партнер, дающий информацию, прямо побуждает своего пассивного партнера к деятельности выражениями типа «как вы думаете?», или косвенно,

делая паузы, во время которых сам информант не проявляет никакой активности. Это последнее наблюдение интересно в отношении категории А, где обоим партнерам известно, что каждый из них знает задачу, и, однако, ни один из них не старается активизировать другого, оба они вместе продолжают реконструировать и решать задачу.

3) Встречаемость побудительных высказываний. При рассмотрении материала особо выделялись высказывания побудительного характера. Эти высказывания могут быть подразделены под углом зрения сотрудничества партнеров на высказывания, призывающие к активности, и высказывания, ограничивающие активность (напр., «подождите»). Призывы к активности могут быть далее подразделены на призывы к совместной активности («нам надо»), призывы партнера к активности («ну, как вы думаете») и призывы, побуждающие партнера последовать предложению говорящего (« послушайте», «посмотрите»). Кроме этого, существует некоторое количество «контактных» высказываний (contact expressions) типа «ну ладно», «так» и т. д. Эти высказывания могут иметь побудительную функцию по условиям контекста. Нами была прослежена встречаемость побуждений к активности (встречаемость побуждений к ограничению активности, интересная именно как показатель сосредоточенности мысли на самом процессе, пока еще не была подвергнута анализу). Было доказано, что употребление побудительных высказываний значительно выше в категории Б по сравнению с категорией А; в категории Б высказывания побудительного типа встречаются чаще в речи информанта, чем в речи интервьюера (получателя информации). Это доказывает, что один партнер старается использовать другого как сотрудника при решении задачи.

Таким образом, анализ содержания эксперимента в целом позволяет утверждать, что эксперимент подтверждает вышеуказанную гипотезу, согласно которой различие в ролях информанта и интервьюера в каждой паре испытуемых способствует выявлению тенденции к сотрудничеству более, чем одинаковость ролей в каждой такой паре. Гипотеза подтверждается также различиями в преобладании длинных высказываний, реальной, ожидаемой или требуемой активностью получателя

информации после того, как он ознакомился с задачей, а также наличием высказываний с побудительной функцией, выражающих стремление привлечь партнера к решению задачи. Эти результаты эксперимента, а также разница во времени, упомянутая выше, может быть, позволяют интерпретировать эксперимент в целом как доказательство того, что в соответствующих условиях наличествует тенденция к устранению диссонанса путем передачи партнеру вместе с информацией также и части ответственности за решение общей задачи, тогда как в начале ответственность целиком падала на того из партнеров, который получил всю информацию в начале эксперимента.

Итак, эксперимент в целом позволяет в соответствии с гипотезой сделать вывод, что возникает большее давление на сторону сотрудничества при неравенстве ролей партнеров, чем при идентичности их. Правда, с другой стороны, имеет место сотрудничество даже при идентичности ролей партнеров в категории А. Длина высказываний, одинаковая для категорий А и Б, плавность перехода в категории А от совместной реконструкции задачи к совместному ее решению свидетельствует о том, что здесь присутствует сотрудничество иного типа, при котором старание вызвать дополнительную активность партнера не так сильно проявляется.

В заключение мне хотелось бы сделать несколько замечаний о значении проблемы диалога в широком смысле. Развитие современной цивилизации имеет многообразное отражение в отношениях между людьми, причем эти отношения носят зачастую принципиально новый, зачастую трудно предсказуемый и сложно опосредованный характер. Таким образом, основная задача ученых, занимающихся социально-психологическим анализом диалога, должна состоять в том, чтобы показать условия, при которых станет возможно преодоление старых и вновь возникающих барьеров между людьми, — условий, при которых можно будет найти эффективное средство для создания взаимопонимания и взаимной симпатии. Таков путь от пассивных взаимоотношений к творческому сотрудничеству на более высоком уровне, — путь, который представляется неизбежным с точки зрения дальнейшего развития современной цивилизации.

*Перевел с английского
Ю. А. Сорокин*

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ И ИСТОЧНИКИ

Janoušek, 1968 — *J. Janoušek*. Sociální komunikace (Social Communication), Svoboda, Praha, 1968.

Janoušek, 1969 — *J. Janoušek*. The Influence of Interchanging Roles between Informant and Interrogator on the Joint Solution of a Problem.—«Experimental Social Psychology, Papers and Reports from the International Conference», Prague, 1969.

Jaspers, 1932 — *K. Jaspers*. Philosophie. Bd. II. Berlin, 1932.

Mead, 1934 — *G. H. Mead*. Mind, Self and Society. Chicago, 1934.

Newcomb, Turner, Converse, 1965 — *T. M. Newcomb, R. H. Turner, P. F. Converse*. Social Psychology. The Study of Human Interaction, Holt, Rinehart and Winston, N. Y., 1965.

Выготский Л. С. 1960 — *Л. С. Выготский*. Развитие высших психических функций. М., 1960.

К. ФОШЕ, С. МОСКОВИЧИ

К ПСИХОСОЦИОЛОГИИ ЯЗЫКА *

Мы намерены изложить некоторые соображения по поводу экспериментов, показывающих возможность существования психосоциологии языка. Еще 50 лет назад Ф. де Соссюр поставил вопрос о взаимосвязях между социальной психологией и лингвистикой. Однако мы вынуждены констатировать, что до сих пор связи между этими двумя дисциплинами были по меньшей мере случайными. Если социальные психологи до сих пор не признают важности изучения языковых явлений, то и лингвисты, со своей стороны, не учитывают возможной пользы изучения их социальной психологией. Между тем точки соприкосновения очевидны и объясняются фактами самого языка.

Факты языка, как известно, могут быть представлены в виде дискретных независимых единиц, число которых ограничено и функции которых определены:

- а) их позицией в речевой цепочке;
- б) их сочетанием в передаваемом сообщении в зависимости от отношения к нему говорящих;
- в) возможностями общения, коммуникации между участниками речевого акта.

В настоящее время исследуется синтаксическая, семантическая и прагматическая характеристики речи. Первая характеристика и есть собственно лингвистическая. Вторая и третья представляют собой зоны пересечения с социальной психологией в зависимости от того, анализируются ли, с одной стороны, социальные понятия

* C. Faucheux, S. Moscovici. Contribution à une psychosociologie du langage. «XVIII Международный психологический конгресс. Симпозиум 34». М., 1966, стр. 15—26.

и представления, которые заключены в смысле слов, или процессы коммуникации, которые влияют на формы общения собеседников, с другой.

Наше внимание в особенности будет направлено на отношение синтаксической и прагматической характеристик. Постулат, на котором основана эта связь, известен: главная функция языка — коммуникативная. Приходится констатировать, однако, что далее этого утверждения обычно не идут, и, не вникая в его сущность, удовлетворяются лишь его повторением.

1. ЯЗЫК ВНЕ КОММУНИКАЦИИ

Для лингвистов процесс общения — абстракция. В трудах специалистов можно видеть диспропорцию между значением, придаваемым физиологическим способностям говорящих (артикуляторным и акустическим), и относительным безразличием к их социальным характеристикам.

Якобсон правильно заметил, что, намереваясь построить модель языка безотносительно к говорящему или слушающему, мы рискуем превратить язык в академическую фикцию. Впрочем, когда и признается существование говорящего (производителя речи — *Emetteur*) и слушающего (получателя речи — *Recepteur*), они трактуются обобщенно, как некие универсальные или идеальные типы, тогда как в действительности мы знаем только классы говорящих и слушающих, характеристики которых соответствуют особенностям отдельных форм коммуникации и создают языки, приспособленные к этим формам. Лингвистика считает себя вправе не принимать их во внимание, ссылаясь на разделение языка и речи. Как заметил Бастиан (*Bastian*), это спасительное разграничение позволило рассматривать элементы лингвистической системы независимо от формы социального поведения, в которой они возникают. Успехи структурной лингвистики побудили многих лингвистов отойти от функционального исследования и даже полностью отрицать тот факт, что функциональные исследования вообще будут когда-либо иметь научную ценность. Однако работы последнего времени показали, что различение языка и речи еще ничего не решает и что более глубокий анализ лингвистических явлений

требует понимания роли говорящих и дифференциации их в цепочке социального взаимодействия.

Жинкин первый предпринял исследование в этом направлении, стремясь показать, что «различия между языками определяются механизмами коммуникации». Здесь мы вновь усматриваем пересечение с психологией, для которой не может быть безразлично изучение классов говорящих и слушающих и их взаимосвязей, определяющих производство лингвистических знаков.

2. КОММУНИКАЦИЯ БЕЗ ЯЗЫКА

Тем не менее, нам кажется, что социальная психология могла бы игнорировать те средства, посредством которых передается информация или осуществляется воздействие. Известно, как успешно экспериментировали над выявлением источников коммуникации в группах, используя методику Бавеласа (Bavelas). Однако за небольшим исключением не было предпринято никаких попыток с целью выяснить зависимость, которая объединяет свойства этих источников с правилами кодирования лингвистических знаков. Даже при исследовании сообщений побудительного характера: достигнет ли побуждающий (говорящий) своей цели или нет; приведет ли к единому мнению воздействие, оказываемое группой,— не обращалось никакого внимания на различие в организации сообщений, которые должны были в них отразиться, под тем предлогом, что изменение отношений или решение проблемы некоторой структурной группой не зависит от выбора системы знаков.

3. ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА В СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ: ДВА НАПРАВЛЕНИЯ

Рассматривая существующие исследования, правда, весьма разобщенные и несистематизированные, представляется возможным выделить два направления, очень различные, но дополняющие друг друга.

Задачу первого направления, по-видимому, можно определить как изучение языка в качестве средства социального взаимодействия. Второе направление стремит-

ся изучать язык скорее как способ социального взаимодействия.

Приведем два примера.

а) Объем передаваемой речи, определяющий объем воспринимаемой.

После того, как Бэйлз (Bales) показал, что общий объем речи в групповой дискуссии зависит от способности быть лидером в дискуссии, кое-кто пытался создать математические модели речевого участия, стохастические или экспоненциальные. Эти модели учитывают различные индивидуальные характеристики, например, «вербальный потенциал» или время реакции, с целью объяснения возможности построения иерархии.

Мы не останавливаемся на очевидной ограниченности этих моделей, но могли бы показать, что, имея иные задачи, чем случайную дискуссию, говорящие развертывают коммуникативные структуры не иерархически. Как отметил Колеман (Coleman), эти модели учитывают только один аспект (индивидуальный) из всех тех, которые должны быть представлены в полной модели социальной коммуникации.

Более интересным представляется эксперимент Бавелазы (Bavelas) и др., которые показали, как посредством соответствующего воздействия можно изменять степень вербального участия в групповом обсуждении и устанавливать объем воспринимаемой чужой речи и появление новых лидеров. При этом, чтобы по своему выбору сделать лидером одного из собеседников экспериментатор должен одновременно оказать содействие выбранному и подавить активность остальных, — остроумный вариант контроля каналов коммуникации. Вместо того, чтобы искусственно создавать лидера, помещая его в центр коммуникативной сети и пресекая тем самым доступ к некоторым коммуникативным каналам, экспериментатор контролирует в данном случае коммуникацию в ее начале, замещая преимущество позиции преимуществом объема речи.

Можно охарактеризовать этот подход к изучению языка следующим сравнением: он уподобляет речь капиталу, в том смысле, что стремится получать результаты пропорционально объему капиталовложений.

б) Процессы воздействия и организации речи.

Второе направление, которое стремится связать характеристики языка с процессами коммуникации, прево-

сходно иллюстрируется ценным исследованием Курга Бака (Kurt Bask), которое заслуживает более детального обсуждения, чем это позволяют размеры данной работы. В первом исследовании он устанавливает два типа коммуникации: один направлен на изменение отношений (*des attitudes*), другой — на совершение действия, и пытаются показать две различные, соответствующие им структуры языка. Бак показывает, например, что в коммуникации, направленной на изменение отношений, наблюдается большое разнообразие в длине фраз. Но, вопреки его ожиданиям, не наблюдается грамматических различий в соотношении между именем существительным и именем прилагательным. Зато эти различия, и весьма значительные, выявляются в эксперименте, где он изменяет степень формализации отношений в экспериментальной группе; чем больше формализация отношений, тем больше пропорция имен существительных и прилагательных. Мы увидим далее, чем важны для нас эти результаты.

Исследование, которое мы сейчас обсудим, находится в рамках этого второго направления, и целью его является выявление условий, в которых говорящие порождают «лингвистический текст» с predeterminedными свойствами. Исходя из тех характеристик социальной коммуникации, которые были раскрыты социальной психологией, мы хотели бы показать, что эти характеристики выражаются через соответствующую организацию языка как с точки зрения лексического состава, так и со стороны синтаксической формы. По отношению к системе языка следует рассмотреть три переменных:

— общий объем речевой продукции, иначе говоря, объем речи, зависящий от определенного количества собеседников;

— степень использования различных лексических единиц или процент их повторения, иначе говоря, семантическую насыщенность (*la redondance du discours*);

— синтаксическую организацию речи, представляющую собой расположение лексических единиц в соответствии с определенными правилами.

В отношении процессов коммуникации, т. е. с точки зрения производства сообщений и кодов, следует различать системы коммуникации и каналы коммуникации.

Системы коммуникации определяются отношениями

слушающего и говорящего, которые конкретизируются характером сообщения; передача его ведет к изменению в деятельности обоих партнеров.

Каналы коммуникации определяются физической, социальной, психологической средой и доступными говорящему техническими средствами, обеспечивающими передачу сообщения намеченному адресату. Отсюда следуют два аспекта, две функции речевой деятельности собеседников; с одной стороны, мы имеем регулирующую функцию, поскольку она соответствует цели субъекта, который должен выполнить свою задачу говорящего или слушающего — передать информацию или осуществить воздействие; с другой стороны, мы имеем функцию репродуктивную в том смысле, что субъект должен контролировать адаптацию своего сообщения к условиям, в которых он его передаст, предохранять его от «шума». Следовательно, с одной стороны, речь идет о «кодировании» и «декодировании» сообщения и, с другой стороны, об его «перекодировании» с тем, чтобы можно было его передать, смотря по тому, предстоит ли это осуществить непосредственно, устным способом, или опосредованно, например, письменно.

Это различие чрезвычайно важно, потому что оно приводит нас к формулированию некоторых общих положений касательно связей между характеристиками языка и процессами коммуникации.

1. Лингвистическая вариантность, являющаяся следствием регулирования обмена между говорящими и слушающими, касается, главным образом, объема речи и лексического запаса, если канал коммуникации остается одним и тем же.

2. Лингвистические варианты, отвечающие задаче репродуцировать сообщение, переданное в одном коммуникативном канале в другой канал, представляют собой, главным образом, варианты синтаксические.

Именно эти положения проверялись в экспериментах, которые мы представляем.

А. Система коммуникации

Если мы рассмотрим систему, состоящую из двух собеседников, обсуждающих заданную проблему, то здесь следует различать отношения между субъектами и отношение каждого из них к предмету речи. Мы говорим, что

первые определяют характеристику воздействия (pression) системы, а вторые — характеристику расстояния (distance) в коммуникации.

Понятие воздействия не новое, Фестингер (Festinger) показал, как может меняться воздействие, направленное на то, чтобы вызвать коммуникацию в зависимости от того, направлено ли оно на достижение единства или на изменение социальной структуры. Скажем просто, что воздействие субъектов друг на друга существует постольку, поскольку коммуникация служит орудием удовлетворения чьей-либо потребности. Зачастую коммуникация направлена лишь на установление контакта между двумя субъектами или на поддержание этого контакта без какой-либо определенной цели. В других случаях, напротив, субъекты нуждаются в коммуникации, чтобы принять общее решение или обменяться определенной информацией; тогда воздействие будет более своеобразным, поскольку субъектам коммуникации будет необходим более точный общий код; из этой потребности в большей общности кода возникает то, что мы называем воздействием на составление вывода.

Понятие расстояния требует, возможно, большего разъяснения.

Представим такой случай, когда математик обсуждает математическую проблему с нематематиком; расстояние до объекта будет незначительным для математика и большим для нематематика. Другое, более тонкое содержание понятия расстояния — это множественность контекстов, в которых может встречаться достаточно знакомый предмет речи. Для двух математиков математические проблемы составляют объект достаточно ограниченный, напротив, если они ведут дискуссию о демократии, они будут сталкиваться с объектом, который может включаться в достаточно большое число контекстов: политический, философский, моральный, религиозный. В этих двух примерах расстояние определяет число различных словарных «репертуаров», которые собеседники должны использовать для коммуникации по поводу заданной темы. В первом случае, поскольку система математических понятий для нематематика менее доступна, чем для математика, оба собеседника, чтобы осуществить коммуникацию, должны обходиться кругом понятий, доступных для нематематика. Во втором случае сам объект речи требует просмотра различных его

толкований. Чем многочисленнее те лексико-тематические единства, которые можно использовать в коммуникации, тем расстояние будет больше.

Мы попытаемся теперь показать, что воздействие и расстояние оказывают противоположное влияние на лексическую вариантность речи.

Воздействие на вывод ведет к сокращению лексического объема и лексического разнообразия, тогда как расстояние приводит к расширению этого запаса и лексическому разнообразию.

Наконец, мы покажем, что варьирование воздействия или расстояния не влечет за собой никакой синтаксической модификации речи.

1) Воздействие. В каждой из трех серий эксперимента были заняты пять пар собеседников, которых просили в течение некоторого времени обсуждать тему «Влияние кино на юношескую преступность».

В первой серии «Простая связь» («Relation Simple») от собеседников требовалось обсуждение и оно было прервано по истечении двадцати минут. Этот вариант явился исходным для сравнения с ним двух других; его целью было установить простую связь двух собеседников в заданной теме.

Во второй серии задачей собеседников было прийти к общему заключению на ту же самую тему, что и в первом случае. Через пятнадцать минут им объявили, что для завершения дискуссии осталось только пять минут. Здесь было применено «Воздействие на вывод», коммуникация здесь не является простой функцией обмена мнениями, а должна быть направлена на выработку общей точки зрения.

Наконец, в третьем эксперименте мы попытались установить возможный эффект «Воздействия времени». Предоставленное время было объявлено с самого начала (пятнадцать минут) и каждые пять минут испытуемым сообщали оставшееся время: «еще десять минут», «еще пять минут».

Диалоги были записаны на магнитофон, затем переписаны с магнитофонной ленты и подвергнуты лингвистическому анализу.

Каковы были гипотезы?

Главным образом мы стремились показать, что применение воздействия вывода вследствие необходимости выработать общий код будет увеличивать семантиче-

скую насыщенность языка, т. е. уменьшит его разнообразие и что такой результат не может быть получен только при временном воздействии. Действительно, если мы сравним результаты разных серий эксперимента, мы увидим, что временное воздействие, как и воздействие вывода, уменьшает лексический объем сообщения и, наоборот, временное воздействие уменьшает семантическую насыщенность речи, тогда как воздействие вывода увеличивает ее.

Это остается правильным не только при сравнении экспериментов между собой, но и в том случае, если мы рассмотрим внутри каждого эксперимента изменение этих показателей во времени. Начальный уровень семантической насыщенности в Воздействии вывода ниже начального уровня в Простой связи, что как бы намечает прогрессирующее сокращение семантической насыщенности от первого эксперимента к последнему третьему, тогда как в Воздействии вывода мы находим обратную тенденцию. Во Временном воздействии не проявилось какой-либо определенной тенденции, связанной с определенным отрезком времени, но начальный уровень семантической насыщенности здесь гораздо ниже, чем в Простой связи.

2) Расстояние. В этом эксперименте пяти испытуемым (все профессиональные психологи) было предложено вести беседу с экспериментатором последовательно на каждую из следующих тем: «интервью», «война в Алжире», «ПТТ (Почта, Телеграф, Телефон)». Продолжительность беседы на каждую тему была десять минут.

Эти три темы были в равной мере знакомы испытуемым, тем не менее были основания ожидать их различного лингвистического оформления. В беседе о технике интервью профессиональные психологи использовали относительно однообразные языковые средства. Война в Алжире была в это время очень актуальной темой и составляла содержание повседневных бесед, но эта тема уже не могла быть основной, формирующей однородный словарь. Различные наборы слов, стили вторгались друг в друга, смешивались: эмоциональный, политический, моральный. Еще больше это относится к ПТТ, поскольку это известное учреждение, благодаря своей многообразной деятельности, может включаться в самые различные контексты и рассматриваться под совершенно разными,

не имеющими ничего общего углами зрения. Говорящий на эту тему может прибегать к весьма различным наборам лексики.

Введением этих двух последних тем мы попытались усилить расстояние и выдвинули гипотезу, что с возрастом расстояния увеличивается объем и уменьшается семантическая насыщенность речи.

Результаты подтвердили эту гипотезу. С нарастанием расстояния значительно увеличился объем и столь же значительно уменьшилась семантическая насыщенность.

Б. Канал коммуникации

Мы убедились, что изменение воздействия и расстояния определяют изменения в объеме и семантической насыщенности сообщения. Одновременно можно заметить, что они не ведут ни к каким синтаксическим изменениям речи. Теперь мы рассмотрим, как можно получить такие варианты, изменяя способы коммуникации.

Для этого мы лишь изменили взаимное положение собеседников. В первом случае, который был основой для сравнения, собеседники располагались лицом к лицу, они сидели друг против друга и контактировали визуально. Во втором случае визуальный контакт был исключен с помощью ширмы, которая находилась между двумя собеседниками, сидящими лицом друг к другу. В третьем случае собеседники были посажены спиной друг к другу. В четвертом и последнем случае собеседники сидели рядом, бок о бок, как это обычно бывает в классной комнате и им было запрещено поворачиваться друг к другу. В оправдание такого расположения мы говорили испытуемым, что это позволит им более свободно выражать свое мнение.

Испытуемыми были ученицы последних классов одного женского лицея; эксперимент проходил в одной и той же классной комнате. Во всех вариантах эксперимента каждой паре испытуемых давалась следующая инструкция: «Поговорите о том, что вы думаете о кино, что вы ожидаете от кино, как вы оцениваете то, что кино дает вам». Дискуссия останавливалась по истечении двадцати минут. Испытуемые не знали, что ее продолжительность была ограничена. Наконец, подбирая пары, мы позаботились о том, чтобы не объединять близких знакомых.

У нас было три гипотезы.

1) Отсутствие возможности контролировать и воспринимать жесты и мимику не повлечет за собой изменений в грамматической организации речи. В этом отношении мы не ожидали найти различия в случаях «Лицом к лицу» и «Ширма».

2) Менее привычный способ коммуникации потребует от собеседников сосредоточения внимания на организации речи, на согласовании высказываемых положений с предшествующими и на контроле за результатами разговора. В этих условиях вводится некоторая формализация и язык говорящего сближается с письменным языком. В положении «Спиной друг к другу» мы ожидали увеличения количества существительных и служебных слов и уменьшения количества глаголов по сравнению с положением «Лицом к лицу».

3) При принудительном и формализованном способе коммуникации испытуемые будут стремиться перейти в своей беседе на язык, близкий к письменному. В положении «Бок о бок» можно ожидать максимального увеличения количества существительных и связующих слов и максимального уменьшения количества глаголов по сравнению с положением «Лицом к лицу».

Смысл этих трех гипотез состоит в том, что различия между языком устным и письменным вызываются не внешней стимуляцией, но видами связи между собеседниками.

Результаты подтвердили эти гипотезы. Мы нашли синтаксические различия в ожидаемом направлении при положении «Спиной друг к другу» и «Бок о бок» (и никаких различий в случаях с «Ширмой») по сравнению с положением «Лицом к лицу».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы попытались показать, что психосоциология языка может сделать попытку связать свойства языка с процессами коммуникации, исследуя язык постольку, поскольку он выступает как вид социальной связи.

Однако та ступень, на которой мы находимся в этой области исследований, позволяет сформулировать лишь общие гипотезы ввиду скудности наших нынешних знаний. С другой стороны, в силу медленного совершен-

ствования экспериментальной техники контроль за использованием лингвистического материала остается весьма ненадежным. Учитывая все указанные трудности, можно только предложить истолкование эксперимента, более полно учитывающее все факторы, сознавая ненадежность контроля за ними. Эти трудности однотипны с теми, которые возникают при исследовании коммуникации вообще, поэтому мы не имеем большого выбора.

Нужно — или перестать настаивать как в социологии, так и в социальной психологии на преимуществе и уникальности языка в общении, или пойти на риск и посвятить себя терпеливому теоретическому и экспериментальному исследованию того, чтобы обосновать уникальность и преимущество языка в общении.

*Перевели с французского
Э. А. Вертоградская и Н. В. Уфимцева*

Т. ИРИТАНИ

АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ АНГЛИЙСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ *

1. ВВЕДЕНИЕ

Цель данной работы — исследование динамического процесса межличностной коммуникации при помощи анализа лингвистических средств, используемых под влиянием установок и целей говорящего, и применение результатов этого анализа к проблемам обучения и овладения иностранным языком.

Мы будем считать, что любое лингвистическое высказывание говорящего есть отражение имеющихся в его сознании представлений и установок и в то же время высказывание, порождаемое с учетом установок, имеющихся в сознании слушающего. Например, высказывание *Подайте мне этот портфель* отражает определенные модели, возникающие в сознании говорящего в данной ситуации, и в то же время это — высказывание, произнесенное говорящим в присутствии слушающего, имеющего определенный статус. Аналогично высказывание *Перед нами тысячи людей* или просто *Тысячи людей* отражает определенные условия, в которых находится говорящий, и определенные модели в его сознании. Лингвисты традиционного направления (особенно Есперсен) обращали внимание на этот аспект речи и рассматривали подобные выражения как модальности (Modalities) (см. Jespersen, 1924). С психологической точки зрения этот аспект практически не рассматривался в силу некоторых исторических причин.

Психологи долго считали, что объектом их исследования является «поведение», и либо не рассматривали вербальные или лингвистические аспекты этого поведения, или углублялись в грамматический анализ вербаль-

* Сообщение, сделанное на Льежском Международном конгрессе по прикладной психологии, 1971.

ного поведения под влиянием методики анализа синтаксических структур, предложенной Хомским. Поэтому психологи обходили до сих пор молчанием следующую коренную проблему: как схемы и установки в сознании говорящего отражаются в лингвистических средствах, используемых для порождения высказывания, и как эти средства меняются в зависимости от ситуации. Автор данной статьи полагает, что настало время рассмотреть модальные аспекты предложения, выделенные еще лингвистами традиционного направления, и связать такое исследование с современными представлениями о психологической природе языка и его синтаксических структур. Первым указал на важность данного аспекта Скиннер, но он из предосторожности исключил его из рассмотрения, считая, что модальный аспект высказывания принадлежит к области непознаваемых процессов, происходящих в «черном ящике» (например, интенции, цели, установки и т. п.), и предложил взамен новые термины — Mand, Tact и Echoic Behavior, обозначающие разные типы речевого поведения, однако не занимался их лингвистическим аспектом (см. Skinner, 1957).

Автор данной работы, заимствовав эти термины у Скиннера, делает попытку выделить модели лингвистических средств, которые можно приблизительно классифицировать как Mand, Tact, Echoic Behavior — реакции на присутствие собеседника, проанализировать то, как межличностная коммуникация осуществляется, расширяется или сводится к концу с изменением установок говорящего и слушающего. Во-вторых, автор указывает на необходимость обучения этим модальным средствам при преподавании иностранных языков и, в-третьих, показывает при помощи анализа содержания английских разговорных текстов, что существует серьезное отличие традиционной методики преподавания иностранного языка и новой методики, основанной на обучении модальным средствам.

2. КЛАССИФИКАЦИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Модальные средства, используемые говорящим, можно разделить на следующие две категории: 1) средства, выражающие субъективные намерения говорящего и 2) средства, появление которых вызвано чисто объективными характеристиками ситуации. Грамматисты

часто различают «произвольную модальность» (the will modality) и «вынужденную модальность» (the nonwill modality) (см. Ito, 1968). Модальность первого типа приблизительно соответствует тому, что Скиннер называл the Mand, а модальность второго типа можно обозначить термином the Tact, т. е. наименование ситуации в первом случае и характеристика событий, происходящих в физическом мире, во втором случае. К третьей категории, названной Скиннером Echoic Behavior, можно отнести ежедневно употребляемые и ставшие привычными высказывания (т. е. приветствия, формы извинения, благодарности или знакомства). Скиннер не проводил подробного лингвистического анализа, а лингвисты традиционного направления не пытались применить адекватные психологические методы (правда, уже сделана попытка классификации типов предложений). Насколько известно автору, подобное исследование модальных средств при помощи психологических методов провели Цучия и Усами (см. Tsuchiya and Usami 1967, 1970). На основании этого исследования автором данной работы была построена психолингвистическая модель.

Согласно классификации, данной Цучия и Усами, модальные средства, используемые говорящим (и выражающие его субъективные намерения, или the Mand, по Скиннеру) делятся на следующие подкатегории: 1) восприятие, смысл; 2) мнение; 3) желание; 4) план или намерение; 5) предложение; 6) требование и 7) совет (см. пункт А табл. 1). Средства, служащие для передачи объективной информации или событий, классифицируются так: 1) общая информация; 2) сиюминутная информация, 3) сообщение факта или чьих-либо слов; 4) информация о себе, о третьем лице или обращение (см. пункт С табл. 1) — это приблизительно соответствует the Tacts, по Скиннеру. Затем выделяются также общепринятые выражения (Echoic Behavior в терминах Скиннера). Они разделяются на следующие подкатегории: 1) благодарность; 2) извинение; 3) способы привлечения внимания собеседника; 4) приветствия; 5) способы знакомства; 6) прочие выражения смешанного типа.

К этим трем категориям были добавлены еще три категории, объединяющие средства выяснения намерений или получения информации от собеседника и предпола-

Таблица 1

Схема классификации типичных лингвистических средств в зависимости от установок говорящего

Пункт	Подпункт	Пункт	Подпункт
А. Сообщение о намерениях	1. восприятие 2. мнение 3. желание 4. план, пожелание 5. предложение 6. требование 7. совет	В. Выяснение намерений собеседника	1. мнение 2. разрешение 3. намерение
С. Коммуникация, информация и ситуация	1. общая информация 2. сиюминутная ситуация 3. сообщение, передача чьих-либо слов 4. о себе, собеседнике или третьем лице	Д. Получение информации и характеристики ситуации	1. общая информация 2. сиюминутная ситуация 3. сообщение, передача чьих-либо слов 4. о себе, собеседнике или третьем лице
Е. Обычные выражения	1. благодарность 2. извинение 3. привлечение внимания 4. приветствия 5. знакомство 6. прочие выражения	Ф. Обычные реакции	1. согласие 2. подтверждение 3. вопрос 4. прочие

гающие получение «стандартных» ответов. Средства выяснения намерений говорящего (см. пункт В табл. 1) подразделяются на: 1) выяснение мнения собеседника; 2) получение разрешения собеседника; 3) выяснение намерений собеседника. Средства получения информации и характеристики ситуации (см. пункт D табл. 1): получение информации общего характера, 2) информация о ближайших событиях; 3) передача сведений или чьих-то слов; 4) получение сведений о собеседнике или третьем лице. Обычные реакции со стороны собеседника, относящиеся к Echoic Behavior, таковы: 1) согласие, 2) подтверждение, 3) вопрос, 4) прочие выражения смешанного типа. Общая схема всех приведенных выше категорий показана на табл. 1.

Эта общая схема нуждается в некоторых психологических объяснениях. Как будет показано ниже, благодаря разбиению категорий Mand, Tact, Echoic Behavior на подкатегории, можно выделить «сильную» форму Mand или «слабую» форму Tact и т. п. Признаки, при-

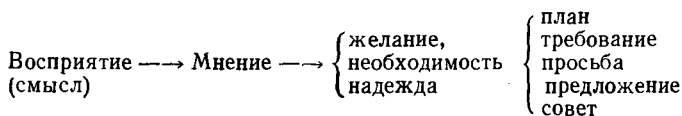
сущие Mand, становятся более выраженными по мере уменьшения порядкового номера (см. пункт А) и менее выражены в категориях пункта В. Таст — функция говорящего ослабевает с уменьшением порядкового номера (см. пункт С), причем этот факт также отражен в пункте D. Для каждой из перечисленных подкатегорий возможно множество модальных средств, и в настоящее время проводится анализ конкретных разговорных форм, выражающих эти средства.

Кроме того, из этой важной классификации следует еще один вывод. Легко можно видеть, что существует возможность преобразования высказывания в рамках данной классификации (с учетом намерений говорящего и статуса собеседника).

Например, говорящему нужен портфель, лежащий перед собеседником. Если собеседник обладает более высоким статусом, говорящий не воспользуется для выражения своего желания формой *Послушайте, подайте мне мой портфель*, а скажет *Не будете ли вы так любезны подать мне этот портфель*. В данном случае выбирается более слабая форма Mand.

Таким образом, имеет место определенный психологический процесс, обуславливающий использование говорящим высказывания именно в данной форме, и позволяющий предположить определенную реакцию собеседника. Анализ этих модальных средств, как кажется автору, может быть соотнесен с формальным анализом синтаксических структур (анализ глубинных и поверхностных структур по Хомскому), (схема I).

Схема I. Психологический процесс, приводящий говорящего к употреблению определенных модальных средств.

3. ВЫРАЖЕНИЯ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В ПОВСЕДНЕВНОЙ РАЗГОВОРНОЙ ПРАКТИКЕ

В основном наша повседневная разговорная речь строится на основе средств, относящихся к перечисленным выше 6 категориям, которые соответствующим образом комбинируются. Примем следующие обозначения: средства, выражающие намерения говорящего — А (как в табл. 1), информация об объективных фактах или ситуации — В, способы выяснения намерений собеседника — С, способы получения объективной информации или сообщения о некотором событии — D, обиходные выражения — Е, соответствующие реакции собеседника — F. Тогда можно получить схемы выражений, широко употребляемых в повседневной разговорной речи (схема II).

Схема II. Различные модели разговорных средств, в зависимости от ситуации

(i) E — F	(ii) E — F A — B E — F	
(iii) E — F C — D E — F	(iv) a) E — F C — D A — B E — F	b) E — F A — B C — D E — F
(v) a) E — F C — D A — B C — D E — F	b) E — F A — B C — D A — B E — F	

В схеме II пункт (i) построен на простом модальном выражении и простой реакции на него. Разговор ограничивается приветствиями, извинениями, выражением благодарности, способами знакомства и ведется в рамках Echoic Behavior.

Пункт (ii) представляет собой расширение пункта (i). Сюда добавлены выражения типа А—В (выражение намерений говорящего и получение сведений о намерениях собеседника). Эта схема часто используется в диалогах между членами неформальных групп, например, между близкими друзьями, родителями и детьми, родственниками, приятелями и т. п.

Пункт (iii) представляет собой обмен объективной информацией и является основой диалогов в формальных группах и часто используется в учреждениях (конторах, фирмах и т. п.)

Пункт (iv) а) и б) представляет собой расширенные варианты комбинации средств сообщения объективной информации и субъективных намерений, в начале и в конце используются обиходные выражения и обычные реакции на них. В модели а) обмену сообщениями о субъективных намерениях предшествует сообщение объективной информации. Модель б) имеет обратный порядок. В повседневной практике модель а) используется чаще, чем модель б), так как в формальной беседе мы не начинаем говорить о своих субъективных намерениях сразу же после приветствия. Обменявшись какой-либо объективной информацией, мы приступаем к изложению наших субъективных намерений, особенно в таком сложном случае, как деловая беседа.

Затем следует пункт (v) а) и б). В более сложной беседе мы используем различные экспрессивные средства, прежде чем приступить к главному предмету разговора. В схеме а) суть разговора (сообщение о субъективных намерениях) скрывается за обменом объективной информацией в начале и в конце. В схеме б) обмену объективной информацией предшествуют приветствия и сообщения о субъективных намерениях.

Приняв во внимание классификацию основных моделей, используемых в разговорной речи, сделанную с точки зрения намерений и целей говорящего, а также учитывая приведенные выше соображения психолингвистического характера, можно предложить следующие принципы ведения беседы на английском языке.

1) Самые основные, элементарные формы начала разговора с использованием простых средств и простых ответов (см. форму Е — F).

2) Затем следует ввести формы, относящиеся к субъективным намерениям и целям (см. формы А — В) ¹.

¹ Как показали исследователи детской речи, сначала появляется большое количество предложений, отражающих субъективные намерения (желание, требование и т. п.), а затем по мере овладения родным языком появляются высказывания, передающие объективную информацию [см. Murata, 1968, Brown and Bellugi, Ervin см.: Smith and Millei, 1966)].

3) Затем следует интенсивное обучение формам обмена объективной информацией.

4) В заключение, чтобы дать возможность обучающемуся вести повседневную, но более или менее «философскую» беседу, следует ввести комбинации А — В форм и С — D форм. В этом случае будет, вероятно, полезно дать сначала характеристику ситуации, в которой находятся собеседники, сообщить о целях говорящего и затем приступить к самой беседе и выяснить, какие именно модальные средства нужно применить, чтобы добиться от собеседника ожидаемой реакции. Следует также выяснить, как именно в данном случае следует пользоваться комбинациями А — В форм и С — D форм в сочетании с обиходными выражениями (Е — F формы), сделав соответствующие обобщения из опыта использования родного языка в аналогичной ситуации. Сюда следует добавить обучение более сложным формам модальных средств, которые существуют в данном иностранном языке наряду с основными простейшими формами.

4. АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ НЕКОТОРЫХ АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ В РАМКАХ СИСТЕМЫ КАТЕГОРИЙ МОДАЛЬНЫХ СРЕДСТВ

В заключение автор хотел бы привести результаты, полученные в результате исследования содержания некоторых английских высказываний, взятых из английских разговорных текстов. Исследование провели Т. Цучия и С. Усами (см. Tsuchiya and Usami, 1970).

В качестве материала исследования использовались 5 текстов, написанных американскими авторами на основе разговорной речи и изданных Японской радиовещательной корпорацией (Japanese Broadcasting Corporation).

Эти тексты включали 1800 высказываний, которые были выписаны на отдельные карточки и классифицированы согласно описанным выше 6 категориям модальных средств (работу выполняли 4 студента Токийского университета). Результаты этой классификации (в порядке частотности) показаны на табл. 2. На табл. 3

Таблица 2

Некоторые характеристики модальностей

№ пп	Индекс по таблице классификаций	Частотность, %	Совокупная частотность	Типичные начала высказываний
1	С-4	26,5	26,5	I am the editor in chief.
2	А-2	16,7	43,2	I think you should get ready.
3	С-1	6,2	49,3	Sure! I see.
4	С-2	5,6	54,9	There's telephone.
5	В-3	4,9	59,8	Where do you want this?
6	А-4	4,4	64,2	I'll get the box from the car.
7	Д-4	4,3	68,5	What's on TV?
8	А-6	3,9	72,4	Please use easier words.
9	В-1	3,3	75,7	How do you like living in Tokyo?
10	А-7	2,8	78,5	I advise a simple diet.
11	А-3	2,7	81,3	I want to have a dress made.
12	С-1	2,7	83,9	Industrial smoke has dropped to 18 per cent of what it was at the same time, last year.
13	Е-4	2,0	85,9	Come on
14	Е-4	2,0	87,9	How do you do?
15	Е-3	2,0	89,9	Hello, Mary!
16	С-3	1,7	91,6	He says he cannot tell a lie.
17	Е-1	1,5	93,0	Thank you very much.
18	Д-2	1,3	94,3	Is this all of your baggage?
19	А-1	1,1	95,5	I'm hungry.
20	Е-2	1,1	96,6	Why not? Really?
21	А-5	1,0	97,7	Let's go.
22	Е-3	0,7	98,3	How's that.
23	Д-1	0,7	98,8	Do I have to fill this blank?
24	Е-2	0,5	99,2	I'm sorry.
25	В-2	0,4	99,6	May I come in?
26	Е-5	0,2	99,8	Mrs. A, this is Mr. B.
27	Е-6	0,1	99,9	Many happy returns!
28	Д-3	0,1	100,0%	Did he say I'm fool?

Таблица 3

Частотность по схеме категорий модальных средств

Субъективные Объективные	A. Намерения говорящего 602 32,7%	B. Средства выяснения намерений собеседника 157 8,5%
	C. Информация коммуни- кативная и ситуатив- ная 670 36,4%	D. Средства получения информации 113 6,1%
	E. Обиходные выраже- ния 113 6,1	Простые ответы 185 10,1%

представлены общие частотные характеристики 1.800 высказываний (в %) относительно 6 категорий.

На табл. 4 показаны результаты сравнения частотностей основных моделей высказываний, взятых из учебников, принятых Японским Министерством просвещения.

Рассмотрев эти таблицы, можно прийти к следующим выводам:

1) Из табл. 2 видно, что выражения, относящиеся к субъективным намерениям или передающие информацию о самом говорящем, доминируют.

2) Из табл. 3 (сумма частотностей по всем категориям) можно заключить, что выражения, относящиеся к субъективным намерениям или объективной информации, являются наиболее частотными. Модальные формы A и C употребляются в несколько раз чаще, чем формы B и D; обиходные выражения (common expressions) употребляются приблизительно с той же частотой, что форма B и D. Этот результат говорит о том, что в практике повседневной разговорной речи выражения, связанные с субъективными намерениями говорящего или передачей объективной информации о себе занимают очень важное место, и встречаются значительно чаще других форм.

3) Табл. 4 показывает значительное расхождение в частотности употребления некоторых модальных форм, существующие между разговорной речью и текстами, принятыми японским Министерством просвещения. В реальных разговорных текстах доминируют (см. выше, п. 3) выражения, относящиеся к субъективным намере-

Таблица 4

Некоторые характеристики десяти моделей высказывания

Order	S. P. Number.	Sentence Patterns (Example Sentences)	Intermedia —te Grade Frequency %	Running Total Frequency %	Junior High Text —Book %	JHTB Order	TV First Grade %	TV First Grade Order %
1	Fe	Competitive Form F4a (Anomalous Finites) (ex. Yes, you may) F4b (Anomalous Finites) (ex. Oh. Madam!)	23,6	23,6	8,4	5	25,2	1
2	131	S + V + O (Noun) (I have a book)	13,2	36,8	19,1	1	11,7	2
3	132	S + V + O (Pronoun) (I like him)	8,2	45,0	5,8	6	11,0	3
4	123	S + be + C (Adjective) (This pencil is lang).	7,8	52,8	8,7	4	9,9	4
5	121	S + be + C (Noun) (This is a book)	6,8	59,6	14,8	2	5,3	5
6	234	S + V + O (that — Clause) (I think that he will come). S + V + Adverb Phrase	6,3	65,9	1,9	12	4,1	9
7	113	(I swim in the river).	4,7	70,6	14,4	3	4,2	8
8	112	S + V + Adverb (Tom comes home)	3,8	74,4	5,4	7	4,9	6
9	232	S + V + O (Noun Infinitive) (We like to play baseball).	2,6	77,0	2,7	11	2,8	10
10	111	S + V (Birds sing). Kendall's i = 47	2,1	81,5	3,3	8	4,7	7

ниям говорящего, в то время как в учебных текстах преобладают формы передачи объективной информации (особенно типа *У меня есть книга, Это карандаш* и т. п.). Видимо, учебные тексты позволяют практиковаться в употреблении форм, более важных для чтения и письменной речи, а не повседневной разговорной речи. Автор данной статьи надеется, что в дальнейшем при обучении языку будут учитываться и особенности коммуникативного процесса между говорящим и слушающим, и будут вводиться типичные лингвистические средства, необходимые для осуществления этого процесса. Такое комбинированное обучение (характеристика психологических процессов и лингвистические средства, необходимые для их осуществления) не только внесет вклад в проблему овладения процессами человеческой коммуникации вообще, но и избавит обучающихся от скучных и ненужных упражнений, направленных на овладение редко употребляемыми формами.

В заключение следует добавить, что нам представляется необходимым проведение систематических исследований более или менее «неграмматических» форм повседневной разговорной речи, выделение тех форм, которые отражают психологические процессы, движение мысли говорящих. Здесь мы видим широкое поле деятельности для психолингвистов, занимающихся проблемами обучения и овладения языком.

*Перевела с английского
Е. И. Негневицкая*

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ И ИСТОЧНИКИ

Ito, 1968 — *K. Ito*. Expressions of English Modalities. Tokyo, Kenkyusha, 1968.

Jespersen, 1924 — *O. Jespersen*. The Philosophy of Grammar. London, Allen, 1924.

Murata, 1968 — *K. Murata*. Language Development of Children. Tokyo, Baifukan, 1968.

Skinner, 1957 — *B. F. Skinner*. Verbal Behavior. N. Y., 1957.

Smith, Miller — *F. Smith* and *G. A. Miller* (eds). The Genesis of Language. The MIT Press, 1966.

Tsuchiya and Usami, 1967 — *T. Tsuchiya, S. Usami*. Common English Expressions Classified by Purpose. «Broadcast Division, Education Department». — NHK, 1967.

Tsuchiya and Usami, 1970 — *T. Iritani, T. Tsuchiya* and *S. Usami*. A Psychological Inquiry Concerning the Functions of Linguistic Expressions observed in Daily Conversations. «Broadcast Division, Education Department». — NHK, 1970.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. А. Леонтьев (СССР)</i>	
Современная психолингвистика за рубежом	3
<i>Т. Слама-Казак (Румыния)</i>	
Методология психолингвистики и некоторые ее применения	21
<i>Дж. А. Миллер (США)</i>	
Некоторые пролегомены к психолингвистике	31
<i>Дж. Маршалл (Англия)</i>	
Психолингвистическое исследование синтаксиса	45
<i>Р. Ромметвейт (Норвегия)</i>	
Слова, значения и сообщения	53
<i>Я. Яноушек (Чехословакия)</i>	
Социально-психологические проблемы диалога в процессе сотрудничества между людьми	88
<i>К. Фоше, С. Московичи (Франция)</i>	
К психосоциологии языка	102
<i>Т. Иритани (Япония).</i>	
Анализ содержания английской разговорной речи	114

Психолингвистика за рубежом

Утверждено к печати

Институтом языкознания АН СССР

Редактор издательства *Г. Н. Корозо*

Художественный редактор *Т. П. Поленова*

Художник *Ц. А. Сайко*

Технические редакторы *Т. Д. Панасюк и Л. И. Куприянова*

Сдано в набор 7/VII-1972 г.

Подписано к печати 2/X-1972 г.

Формат 84×108¹/₃₂. Усл. печ. л. 6,72. Уч.-изд. л. 6,7

Тираж 7000 экз. Тип. зак. 891. Бумага № 2

Цена 40 коп.

Издательство «Наука».

103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., д. 21

2-я типография издательства «Наука». 121099

Москва, Г-99, Шубинский пер., 10